

30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» обратилась к мемориальцам с вопросом о последних событиях в их региональных отделениях, и о том, как они вписываются в общественно-политическую картину страны.

КАК В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ОТНЕСЛИСЬ К ПОПРАВКАМ В КОНСТИТУЦИЮ

ДМИТРИЙ ОКУНЦЕВ, ПЕРМЬ

«У моего окружения, как и у меня самого, примерно одинаковое отношение к выступлению Терешковой, к поправкам в Конституцию, которые принимаются не с помощью референдума, а с помощью непонятого голосования. У нас в городе был небольшой митинг (или пикет) протеста — довольно разношерстный, в котором участвовали и представители «Мемориала»»

НИКОЛАЙ АРАКЧЕЕВ, ЙОШКАР-ОЛА

«У государственных чиновников и официальных пропагандистов — позитивное, но без восторга. У всех остальных, с кем бы я ни общался, чью бы страницу или паблик ни смотрел, — отрицательное. Говорят, что президент заботится только о себе, о нас забыл. Пандемия помогла людям осознать, что вокруг происходит безобразие»

ВЯЧЕСЛАВ ПАЙКАЧЕВ, МУРМАНСК

«Все, что я слышал об этом, — люди высказываются либо равнодушно, или против. Я не слышал ни одного мнения «за» среди моего круга общения. В конце февраля был небольшой митинг, после которого меня пытаются привлечь к административной ответственности за якобы неправильное размещение листовок»

ДМИТРИЙ ПРИТЫКИН, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Мне сложно ответить на этот вопрос, мы далеки от этой проблематики»

Подробнее на с. 2

ПОКУШЕНИЕ НА ПАМЯТЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

Сегодня, 7 мая 2020 года, с фасада бывшего здания УНКВД по Калининской области (ныне здесь размещается Тверской государственный медицинский университет) сняты две мемориальные доски, установленные в 1991 году в память о жертвах сталинского террора. Надписи на демонтированных досках гласили: «В память о замученных. Здесь в 1930–50-е годы находилось Управление НКВД–МГБ по Калининской области и его внутренняя тюрьма» и «Памяти поляков из лагеря Осташков, убитых НКВД в Калининне. Ради предотвращения мира».

Демонтаж этих досок — не просто вандализм. Это преступление против истории, надругательство над памятью наших сограждан и польских военнопленных, убитых в подвалах этого здания, очередная попытка отрицания всем известных и многократно доказан-

ных документально преступлений сталинского режима.

Вдвойне отвратительно, что это было провокационно приурочено к кануну 75-й годовщины Победы. Тверские власти не остановились перед тем, чтобы осквернить наш праздник. Если правительство Российской Федерации не предпримет немедленных и решительных шагов, то на страницах газет всего мира статьи о юбилее Победы будут соседствовать с информацией об уничтожении в России памяти об одном из самых тяжких преступлений Второй мировой войны.

После демонтажа табличек «Международный Мемориал» обратился к Управлению ФСБ по Тверской области с запросом информации о расстрелянных органами НКВД в 1937–1938 годах в рамках «кулацкой операции» 4873 людях и месте

их казни. В запросе, в частности, говорится о пофамильных протоколах внесудебного органа (тройки УНКВД Калининской области, либо особой тройки УНКВД Калининской области, либо Комиссии НКВД СССР и

Окончание на с. 4

В УКРАИНЕ ВСПОМИНАЛИ О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

Третье воскресенье мая в Украине — день памяти жертв политических репрессий. Он введен в 2007 году, когда третье воскресенье мая пришлось на день депортации крымских татар — 18 мая, и теперь эта дата всегда где-нибудь рядом. К этому дню Институт исторической памяти открыл Консультационный центр по поиску информации о жертвах политических репрессий.

статочно масштабным, сообщил «30 октября» Евгений Захаров, директор Харьковской правозащитной группы.

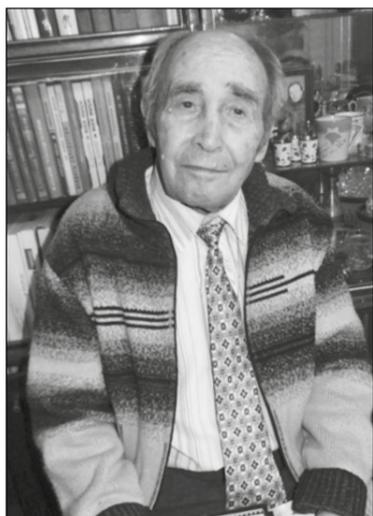
«Я получаю десятки писем в год — в среднем по письму в неделю», — сказал он, выделив две основные категории обращающихся. «Первые — это те, кто хотел бы узнать, где похороне-

ны расстрелянные родственники. В Харькове было несколько мест расстрела, и мы обычно говорим, что надо уточнить, когда был приговор — и в зависимости от этого можно назвать место расстрела. Вторая большая категория — это потомки раскулаченных, которые не могут смириться с тем, что у их предков отняли все имущество. Они обычно просят проконсультировать как можно вернуть утраченную собственность», — отметил правозащитник.

Данные находятся практически для всех обратившихся. «Сейчас открыты архивы СБУ и можно получить любую информацию, если она там есть. Например, к нам недавно обра-

Окончание на с. 3

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» БЕЗ СЕРГЕЯ ЩЕГЛОВА

Сергей Львович Щеглов. Организатор и первый руководитель Тульского общества «Мемориал», репрессированный, журналист и писатель, взятый псевдоним по названию лагеря, в котором сидел, — Норильский, краевед и публицист. Много повидавший и помогавший, прожил долгую жизнь. 4 марта 2020 года, на 99-м году жизни, его не стало.

Сергей Щеглов родился 19 сентября 1921 года в селе Ляхи Владимирской губернии в учительской семье. В 1925 году семья распалась, сына воспитывала мать. В 1937 году отец был арестован по политическим обвинениям и расстрелян в Горьком. Сергей жил с матерью в Муроме Владимирской области. В том же 1937-м аресто-

вали и мать, ее осудили на 10 лет лагерей, где она и умерла в августе 1947 года.

С 1937 года Сергей Щеглов работал в райпотребсоюзе, на малярной станции райздравотдела, и учился в вечерней школе рабочей молодежи. По окончании десятилетки был принят в Московский областной педагогический институт на исторический факультет. Окончил первый курс 22 июня 1941 года и на следующий день был арестован НКВД СССР и отправлен на Лубянку. После почти года заключения в следственных тюрьмах Москвы и Омска — приговорен Особым совещанием НКВД по 58-й статье к 5 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) за создание молодежной антисоветской организации. Виновным себя не признал. Срок отбывал в Норильлаге, работал на строительстве горно-металлургического комбината землекопом, каменщиком, взрывником на руднике, лаборантом в лаборатории, исполняющим обязанности инженера на заводе взрывчатых веществ. За добросовестный труд Щеглову сократили срок на три месяца, после освобождения он остался как вольнонаемный на ра-

Окончание на с. 7

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2020 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Возвращение к «Катынскому позору»? с. 3

Ян Рачинский — о поправках в Закон о реабилитации с. 4

Неизвестное ранее интервью Александра Вольпина

Как казаки из колхоза выходили с. 7

Почему привидения возвращаются с. 8

Историческая политика как зеркало с. 10

Восприятие темы ГУЛАГа в Италии и Франции с. 11

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

В этой рубрике «30 октября» мемориальцы делятся вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, на которых надо учиться. Мы будем рады отклику из всех регионов и от всех организаций независимо от числа членов или времени существования.

**ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
ОКУНЦЕВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ
РУКОВОДИТЕЛЯ
«МЕМОРИАЛА» В ПЕРМИ**

У нас никаких мероприятий не было. Каждый год первые три месяца связаны с написанием заявок на гранты.

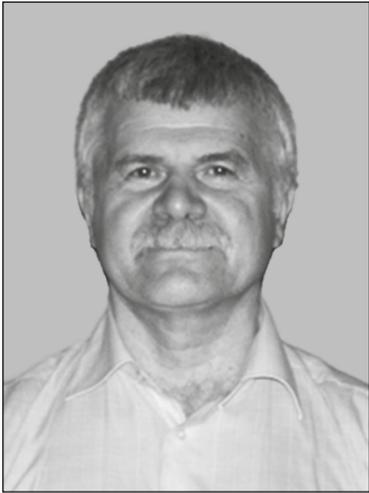
Один из проектов прошел на городской конкурс грантов, нам его одобрили. Будем в рамках этого проекта экспонировать выставки, расширять библиотеку по тематике политических репрессий. У нас есть выставки «Не забудьте нас» — о пермяках, репрессированных в 1930–1950-е годы, «Пермские политические лагеря» — о зонах Пермь-36, 35, 37 и «Папины письма» — это письма, адресованные арестантами ГУЛАГа своим детям. Все эти выставки с 2014 года колесят по краю.

С 2015 года у нас каждое лето проходят «Гражданские сезоны. Пермские дни памяти». В этом году тоже будем проводить в их рамках мероприятия: театральные постановки, экскурсии по выставкам, есть еще аудиопроменад «Зона голоса» по городу с наушниками, в которых рассказывается история посещаемых мест. Проводятся бардовские концерты.

Отношения с властью, так сказать, вялотекущие, это еще тоже нужно смотреть с кем конкретно. У нас в регионе есть две комиссии по восстановлению прав жертв репрессий: краевая и городская. Городская раньше работала, и там с 2014 года такой председатель был, что ни одно из заседаний не увенчалось принятием решений, за которыми должна последовать какая-то деятельность. Каждое заседание заканчивалось тем, что они принимали информацию к сведению, и всё. Около двух лет назад Роберт Латыпов, председатель Пермского «Мемориала», с единомышленниками в этой комиссии попытались заставить этот орган работать. Но это привело к тому, что городскую комиссию распустили. Назначили новый состав комиссии. Вскоре начнет работать новый состав, но тоже с препонами. Стоит отметить, что 20 мая Пермский краевой суд прекратил дело в отношении руководителя Пермского «Мемориала» Роберта Латыпова

**ВЯЧЕСЛАВ ПАЙКАЧЕВ,
МУРМАНСК**

У нас не происходило ничего примечательного. Некоторая группа молодежи интересовалась разными протестными ак-

циями, я им прочитал лекции по правам человека. Люди раньше были с Навальным, а потом поняли, что их больше интересуют права человека. Думаю, они ближе к анархистам, скорее всего, или к либертарианцам. Это было в феврале этого года. Изданий и книг не было.

В Мурманске нет музея ни ГУЛАГа, ни жертв репрессий. Был одно время музей у нас на квартире. Была раньше комиссия по помилованиям и правам человека, теперь осталась только по помилованиям, про права человека не вспоминают. Было время, когда установили в центре города памятник политзаключенным. Депутаты приходили класть цветочки, а теперь только сами граждане.

29 февраля партия «Яблоко» и «Мемориал» провели в Мурманске митинг по поводу путинских поправок в Конституцию. Власть нашли пару объявлений, которые были повешены где-то не так, и пытаются привлечь меня к административной ответственности. 14 мая должно было быть судебное заседание, но заседание перенесли. Молодежь хочет поучаствовать в заседании.

**НИКОЛАЙ АРАКЧЕЕВ,
ЙОШКАР-ОЛА**

Массовые мероприятия и встречи пока отменены, но резко активизировались общение и взаимный интерес, моральная поддержка по телефону. Все живы, ни одной потери за период пандемии — это главный показатель в жизни ветеранов. Ко Дню Победы пробили посылки от Совета ветеранов города подарки самым авторитетным труженикам тыла — детям войны из семей репрессированных. Вручили через посылного-волонтера.

В условиях карантина мы развиваем интернет-общение, общаемся и анализируем историческую информацию. Принимаем заявки на экскурсии в летний период. До запрета еженедельно проводили выездные авто- и пешие экскурсии по расстрельным полигонам пригорода столицы Марий Эл. Еженедельно мониторим, когда

ж начнутся работы по исполнению требований протокола выездного заседания СПЧ РФ по ремонту и обустройству Музея ГУЛАГа и расстрельного полигона «Мендуры». В июне будет уже два года этому протоколу, но «воз и ныне там».

С нашими волонтерами мы ведем поисковую работу в «полях» — ищем в домашних и электронных архивах любые упоминания о репрессиях в Поволжье, о причастных к ним лицах: пострадавших, свидетелях, очевидцах, палачах.

В конце апреля у меня вышла статья в газете «Восход» о трудовых подвигах легендарного ээка — врача, журналиста, спортсмена, мастера спорта СССР, первого в истории России за 300 лет в номинации «Имя немецкого народа», а ныне нашего земляка Генри Ральф Джонстона-Левенштейна. Ему посвящен целый зал в нашем музее.

Наша большая победа и заслуга — на митинге 30 октября убедили заместителя главы правительства Марий Эл открыть 9 мая 2020 года мемориал «Никто не забыт...» на железнодорожной станции Сурок. Наконец-то увенчаны успехом 30-летние усилия по увековечению памяти солдат-новобранцев, замученных голодом и холодом в годы войны. Целая дивизия украинцев, татар, жителей восточных республик, Поволжья, Вятки, по данным наших следопытов, старожил и очевидцев, погибла в глубоком таежном тылу из-за небывалых по размаху и продолжительности злоупотреблений, жестокости и массового разгильдяйства со стороны местного военного командования. Хищения солдатских продуктов и обмундирования привели к массовому дезертирству курсантов-призывников, грабёжам, мародерству и даже каннибализму. Последовала срочная инспекция наркома Ворошилова, а за ней — показательный расстрел командира дивизии перед строем солдат. Следом арестовали 46 офицеров тыла, заведующих складами и столовыми, и скорый трибунал в Казани приговорил всех к высшей мере наказания. Музей из года в год по крупицам собирает у родных и близких сочувствующих свидетельства трагедии: письма, фото, личные вещи курсантов — пополняя «черные списки» без вести пропавших новобранцев.

Взаимоотношения с местными властями как были, так и есть натянутые, некомфортные. В 2018 году сменился у нас губернатор, и все пошло по наклонной. У нас и так был «красный пояс» все 20 лет до этого. Но старый губернатор как-то нейтрально к нам относился, особо не поддерживал, но, самое главное, не мешал. Мы много сделали, открыли мемориал памяти жертв репрессий в 2013 году и музей в 2010-м.

Музей находится в «осином гнезде» — в бывшем здании НКВД. 10 лет наша просветительская площадка тяжелой артиллерией бомбила все позиции коммунистов, сталинистов. Были коммунисты, которые начинали нас поддерживать после первой же экскурсии, делавшей акцент на том, что Сталин почистил всех коммунистов. Впечатляющие каменные своды, деревянные полы, протертые каблуками энкавэдэшников, решетки на окнах — все так и осталось, мы ничего не меняли. Только на стены повесили материалы, которые у нас были, а они быстро пополнились, люди их сами приносили. По результатам опроса среди турагентств, мы вошли в тройку лидеров по популярности мест для посещения. Это вдохновляло нас, и мы работали без выходных.

В июне 2018 года мэр города прислал предписание о невозможности продлить договор о безвозмездной аренде помещения и извинился, что сверху поступила установка нас закрыть.

Я написал в Москву, в Совет по правам человека. После визита Михаила Федотова было принято решение переименовать музей истории в музей жертв политических репрессий, сделать ремонт за бюджетный счет и открыть музей через год или два как государственный. Это, с одной стороны, чтобы нас успокоить, но, с другой стороны, в государственном музее нам уже не будет места. А старое здание не надо было трогать, мы просили только крышу заменить, а реконструировать — не надо. Там все пропитано кровью. Там расстреляны самые видные деятели республики.

Прошло два года, ни одного пункта не выполнено, кроме того, что мы выехали. Для этого нам бесплатно предоставили транспорт и грузчиков. И свет в офис «Мемориала» провели, лампочку повесили. Музей же по-прежнему закрыт на ремонт. Правительство республики говорит, что денег нет. Думаю, ждут, когда у нас пропадет интерес или придут в негодность экспонаты музея, ведь некоторые из них находятся под открытым небом.

**ДМИТРИЙ ПРИТЫКИН,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Основными направлениями Санкт-Петербургского Научно-информационного центра «Мемориал» являются архивная, просветительская работа, а также некрополистика советского государственного террора.

В архивной работе мы в первую очередь сосредоточены на оцифровке и помещении в публичный доступ документов по истории советского государственного террора и истории сопротивления режиму, которые мы собрали за 30 лет существования организации. Это личные архивы и отдельные документы людей, ставших жертвами тоталитарного государства, также это архивные материалы, которые в разные годы нам удалось получить в архивах (большинство из этих материалов в архивах уже опять закрыты и не выдаются исследователям, поэтому ценность этого блока нашего архива возрастает). Кроме того, это собственный архив организации: интервью, воспоминания, фонды периодики и самиздата, которые собраны за время нашей работы.

Все эти документы мы оцифровываем, описываем и размещаем в открытом доступе в специализированной базе данных. Эта работа продолжается уже 9 лет, на данный момент в этой базе более 25 000 документов, и мы продолжаем оцифровку и пополнение. Также мы активно занялись улучшением пользовательского интерфейса и сейчас занимаемся разработкой более удобного веб-представления этих материалов.

Второе крупное направление нашей работы — некрополистика советского государственного террора: кладбища спецпоселенцев, захоронения расстрелянных, лагерные и тюремные захоронения, — мы собираем, анализируем эту информацию и систематизируем ее. Уже 6 лет в Интернете существует созданная нами публичная картотека «Некрополь террора и ГУЛАГа», сейчас в ней размещена информация более чем о 400 таких местах на территории России. Кроме того, совместно с Институтом национальной памяти Эстонии мы учредили постоянный семинар «Некрополь коммунистического террора», в рамках которого археологи, антропологи, архивисты, краеведы и другие специалисты, работающие с некрополистикой террора на территории бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы, занимаются обменом опытом и информацией. В 2019 году была проведена первая международная конференция по этой тематике, в которой приняли участие специалисты из 12 стран, в 2020 году планировалось проведение второй такой конференции, но сейчас из-за пандемии мы не можем с уверенностью сказать, состоится ли она.

В условиях пандемии мы немного изменили форматы нашей просветительской работы. Одним из постоянных наших направлений является изучение истории Соловецкого лагеря особого назначения. В этом году мы начали программу по истории СЛОНа, в которой, в частности, мы готовим серию подкастов, где будут представлены как материалы, собранные нашими исследователями, так и личные материалы узников: воспоминания, документы и так далее. Так, мы уже выпустили небольшой тематический цикл, посвященный празднованию Пасхи на Соловках в разные годы существования лагеря; также сейчас мы выпускаем серию подкастов, посвященных судьбе Евгении Исааковны Ярославской-Маркон (литератор, была арестована за побег с места ссылки и подготовку побега мужа из Соловецкого лагеря, расстреляна). Серия включает автобиографию, которую она написала, находясь в штрафном изоляторе, а также историю поиска архивных документов и восстановления биографии этой удивительной женщины. Уже более 20 лет мы в августе ежегодно проводим Дни памяти жертв советского государственного террора. Местами проведения этих Дней являются Мемориальное кладбище Сандормоха и Соловецкие острова. В последние годы эти акции стали не только исторически памятными, но и акцией поддержки современных политических заключенных в России, включая нашего коллегу Юрия Дмитриева. Пока мы надеемся, что этот год также не станет исключением и мы снова встретимся 5 августа в Сандормохе.

На протяжении всего прошлого года мы активно работали со студентами Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге и теперь, в рамках нашего проекта «Острова [не]Свободы», посвященного жизни Ленинграда-Петербурга в XX-XXI веке, мы публикуем материалы, которые подготовили студенты. Уже вышел материал на наших ресурсах, рассказывающий про историю ленинградского джаз-движения, готовятся новые публикации, которые будут выходить еженедельно.

Рустам ДЖАЛИЛОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специальный редактор «30 октября»

На снимках: Дмитрий Окунцев,
Вячеслав Пайкачев, Николай Аракчеев,
Дмитрий Притыкин.
Фото из личных архивов спикеров и
Натали Иозеф

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «КАТЫНСКОМУ ПОЗОРУ»?

Весной 2020 года Россия пережила настоящий всплеск деятельности ревизионистов, пытающихся опровергнуть достоверность преступлений сталинского режима, прежде всего одного из самых известных преступлений — расстрел в 1940 году нескольких десятков тысяч пленных поляков, известный как «Катынское дело» или «Катынское преступление».

Расстрелы проводились весной 1940 года в Смоленске, Калинин и Харькове. После того как захоронение расстрелянных в Смоленске поляков было в 1943 году случайно обнаружено немецкой оккупационной администрацией, советская пропаганда практически до конца существования СССР утверждала, что это злодеяние совершили немцы. Когда эта версия была в 1990 году отвергнута как лживая, в 1990-е возникла группа ревизионистов, пытавшихся «доказать», что поляков расстреляли именно немцы. Своих оппонентов эти люди часто именовали «геббельсовцами», поскольку считали, что их версия повторяет тезисы нацистских пропагандистов, пытавшихся использовать обнаружение тел поляков для дискредитации СССР.

До последних лет эти люди занимали маргинальное положение, и ни официальная наука, ни федеральные СМИ не обращали внимания на их истерию.

«ЭТО СЛЕДСТВИЕ СОЗДАЮЩЕЙСЯ АТМОСФЕРЫ ОТРИЦАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА»

Председатель Правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский отметил, что и попытки ревизионизма «Катынского дела», и активность Следственного комитета РФ в Карелии «в значительной степени — последствия политизации истории со стороны властей, пытающихся использовать ее для поддержки собственной легитимности». При этом, по его мнению, все эти события не являются «прямым заказом федеральной власти (во всяком случае — ее первых лиц)». «Это также и следствие создающейся атмосферы отрицания преступлений советского режима. Сама власть не может пойти на их прямое отрицание, поскольку это будет выглядеть совсем неприлично, поэтому и возникают такие косвенные проявления».

Однако в 2020 году ситуация изменилась. 5 марта на сайте информационного агентства РИА «Новости» была опубликована статья с претенциозным названием «Раскрыты Катыни одобрил Гитлер: кто на самом деле убивал поляков?», фактически представлявшая собой изложение взглядов одного из катынских ревизионистов Владислава Шведа. Там, в частности, заявлялось, что версия о том, будто Катынь была делом рук нацистов, а не сталинского руководства НКВД, «по сути, подтверждается и приговором Нюрнбергского трибунала» (хотя на самом деле из-за провала попытки советских обвинителей доказать эту версию Катынь в приговоре упомянута не была). Сама версия о виновности НКВД именовалась «нацистско-польской».

В качестве одного из признаков фальсификации Швед называл высокий процент опознанных погибших, упирая на то, что при эксгумациях жертв сталинских репрессий, проводившихся с конца 1980-х, процент опознанных был крайне мал, «забывая», что за пятьдесят лет происходит полное разложение тел до состояния скелетов, одежды, бумаги и т.д., а расстрелянных в Катыни часто опознавали как раз по письмам и дневникам, сохранившимся в карманах. В статье повторялись уже давно опровергнутые аргументы о том, что в пользу расстрела поляков немцами свидетельствуют найденные там немецкие патроны и двухзлотные купюры, выпущенные в начале 1940 года.

Через несколько дней после этого на националистическом сайте «Русская народная линия», некоторое время назад вошедшем в медиа холдинг, контролируемый «поваром Путина» Евгением Пригожиным, появилась статья профессора Института истории Санкт-Петербургского государственного университета и члена Синодальной богослужебной комиссии протоиерея Владимира Василека, заявлявшего, что «Катынское дело» «шито белыми нитками» и «способствует дальнейшему ослаблению и унижению России», а в Медном (под Тверью), где захоронена одна из групп расстрелянных поляков, даже якобы не проводилась эксгумация (на самом деле эксгумации проводились дважды — в 1991 году Главной военной прокуратурой СССР, а в 1995 году — представителями Польши¹, а счет извлеченным останкам шел на тысячи). Василек также утверждал, что Сталину «не было смысла» расстреливать поляков, а в СССР в 1940 году будто бы господствовала установка «определить как можно большее количество рук заключенных для строительства социализма».

Апогеем этой кампании стала процедура снятия 7 мая 2020 года по предписанию областной прокуратуры со стены Тверского государственного медицинского университета мемориальной доски в память о казни пленных поляков в этом здании, которое в 1940 году занимал местный НКВД.

Задно сняли и доску «В память о замученных», посвященную советским гражданам, уничтоженным там в 1930–1950-х. Доску о советских гражданах сняли под предлогом того, что в решении о ее установке якобы был указан неправильный номер дома (на самом деле за прошедшие с момента ее установки тридцать лет изменились номера домов), а доску в память поляков — из-за якобы отсутствия документальных свидетельств, удостоверяющих, что поляков из Осташковского лагеря расстреливали именно здесь, хотя вся эта история была задокументирована в ходе расследования, прово-

дившегося Главной военной прокуратурой в 1990–2004 годах.

При этом СМИ, принадлежащие областному правительству, напечатали одинаковые материалы о том, что демонтаж мемориальной доски о расстрелянных поляках «стал одним из шагов по восстановлению исторической правды». В этих текстах вина за расстрел польских военнопленных возлагалась на Германию, а иные версии именовались «исторической ложью».

С заявлением по поводу снятых досок 7 мая выступило Правление «Международного Мемориала». В нем отмечалось, что демонтаж досок — это «преступление против истории, надругательство над памятью наших сограждан и польских военнопленных, убитых в подвалах этого здания, очередная попытка отрицания всем известным и многократно доказанным документально преступлений сталинского режима» (Подробнее см., текст заявления «Международного Мемориала»).

С протестом против демонтажа мемориальных досок выступило и Вольное историческое общество (ВИО), заявившее, что акция 7 мая — «тяжелый удар по чувству справедливости наших соотечественников, полагающих себя обязанными отдать долг памяти жертвам советского террора». «Этот акт несомненно нанесет значительный ущерб репутации России в мире и осложнит ее отношения с соседями. Но нас как профессиональных историков особенно тревожит просматривающаяся в этих событиях опасная тенденция. Привычка приносить основательное историческое знание в жертву сиюминутной политической конъюнктуре может иметь долговременные тяжелые последствия для российского общества», — подчеркивалось в заявлении ВИО. Оно потребовало у Тверской прокуратуры «ознакомиться с материалами расследования Главной военной прокуратуры, в том числе с документами, опубликованными в 2019 году в изданном «Мемориалом» трехтомнике «Убиты в Калинин, захоронены в Медном», и отозвать необоснованное предписание», а власти Твери — вернуть мемориальные доски на место.

Комментируя всплеск активности «отрицателей», историк Александр Гурьянов, глава Польской программы «Международного Мемориала», отметил, что систематическое отрицание «государственными и окологосударственными организациями и людьми» виновности советского руководства в расстреле поляков «не вызывает сомнений». «Но эти организации и люди связаны официальной российской позицией о признании Катыни преступлением советского руководства². От этой позиции очень трудно дать задний ход, хотя очень хочется. Поэтому со стороны властей все обычно ограничивается молчаливым одобрением действий группы отрицателей, куда входят в основном выходцы из советского партгосаппарата, как тот же Швед», — сказал он.

Примером этой двойственности, по словам историка, стала публикация в РИА «Новости», которое «даже поместило робкую оговорку, что пу-

бликуемое является личным мнением автора», отметил он. (Заметим, что наряду со статьей, излагавшей взгляды Владислава Шведа, на том же сайте в начале марта 2020 года была опубликована справка о Катынском преступлении.) Александр Гурьянов подчеркнул, что попытки объявить Медное чем-либо иным, а не местом захоронения расстрелянных поляков для уже не первый год при полном попустительстве региональных властей. «Медное — более тяжелый для них случай, чем Катынь, где они привычно ссылаются на отчет комиссии Бурденко, достоверность которого они упорно отстаивают, поскольку немцы там были лишь несколько дней в 1941 году. Поэтому они просто пытаются сделать вид, что никаких исследований и раскопок в этом месте не было. Вот и сейчас, когда они 23 марта провели очередной «круглый стол», когда о «Мемориале» не было сказано ни слова, хотя в 2019 году мы издали трехтомник «Убиты в Калинин, захоронены в Медном», посвященный погибшим полякам», — отметил он. (О книге «30 октября» подробно писала в № 153).

Александр Гурьянов достаточно резко отреагировал на демонтаж мемориальной доски в Твери, заметив, что это «вернет нас на тридцать лет назад и возобновит то, что называлось «Катынская ложь»». Он также отметил соучастие в этой акции представителей власти. «Очевидно, что действовать без разрешения городских и областных властей, снимая эти доски, было невозможно. Об участии властей говорит и рассылка пресс-релиза тверским СМИ с адреса, используемого пресс-службой областной администрации», — сказал Гурьянов. «Это позор не только для властей Твери, но и для нас всех, что мы это допустили», — заключил он.

«ЭТО СЛЕДСТВИЕ ВОЙН ПАМЯТИ»

Впрочем, стремление «исправить историю» коснулось не только Катыни. 20 апреля Следственный комитет РФ заявил о проведении по просьбе нескольких бывших узников концлагерей процессуальной проверки по признакам преступления, предусмотренного статьей 357 Уголовного кодекса РФ («геноцид») в отношении действий оккупировавших Карелию в 1941–1944 годах финнов. Многие рассматривают эту

проверку как часть мероприятий по смене имиджа Сандормоха, которые осуществляются в благословения региональных властей последние несколько лет, когда место расстрелов, осуществлявшихся НКВД, пытаются превратить в место захоронения жертв оккупации.

Сергей Кривенко, член Правления «Международного Мемориала», отметил, что эта инициатива лежит в русле мероприятий по дискредитации Сандормоха. «Это в русле идущих сейчас «войн памяти». Кроме того, играет роль то, что идеология сейчас разбалансирована, существует целый ряд акторов и на федеральном уровне (например, РВИО), и на региональном, которые пытаются вести свою политику. Поэтому мы видим Путина, открывающего памятник репрессированным и подписывающего программу по увековечению памяти, и региональные власти, делающие прямо противоположное, УФСБ, закрывающие доступ к документам о репрессиях, которые выдавались в 1990-е», — заметил он. «Верховная власть не поддерживает это прямо, но и не запрещает. И в этих условиях вырастают отдельные инициативы снизу. Если есть «война памяти» с Польшей, то почему нельзя начать ее с Финляндией, тем более если это может дать какие-то профиты в виде наград и продвижения по службе?»

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Ход и результаты эксгумаций подробно описаны в третьем томе трехтомника «Убиты в Калинин, захоронены в Медном», изданного «Международным Мемориалом» в 2019 году, который так и называется «Что мы знаем о Медном».

2. Признание Катынского расстрела преступлением сталинского режима было сделано еще советским руководством 13 апреля 1990 года. В 1992 году уже российское руководство передало Польше документы Политбюро ЦК ВКП (б), связанные с этим преступлением. В 1990–2004 годах расследование этого преступления вела Главная военная прокуратура (начала СССР, затем России). В 2010 году российская Госдума приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». В 1996 году было издано правительственное постановление о создании мемориалов в Катыни и Медном. Президенты Владимир Путин и Дмитрий Медведев несколько раз делали заявления, осуждающие катынский расстрел как преступление сталинского режима.

На снимке: Катынский лес, эксгумация 1943 г. Члены делегации польского Красного Креста осматривают останки польского офицера, руки которого были связаны перед расстрелом. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

РЕГИОНЫ

В УКРАИНЕ ВСПОМИНАЛИ О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

➤ Окончание. Начало на с. 1

щался человек, осужденный в 1985 году по ст. 187-1 УК УССР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), так ему в СБУ сказали: у нас ничего нет.

Мы посоветовали ему обратиться в суд, где слушалась его апелляция — может быть, там сохранилось дело», — сказал Евгений Захаров.

Сотрудники центра будут предоставлять консультации людям, которые хотят узнать о судьбе репрессированных в 1917–1991 годах, и помогать правильно со-

ставить обращение и запросы в архивы, чтобы получить необходимую информацию.

Задача Центра — сделать архивные документы доступными как для рядовых граждан, так и для историков, журналистов и всех, кто хочет знать больше о коммунистическом и нацистском тоталитарных режимах.

Цель вновь созданного Центра — поддержать людей, которые решились начать поиск правды как о своих родных, так и о своей стране.

Архив Института национальной памяти создала в 2019 году.

В Консультационный центр можно обратиться таким образом:

по телефонам +380 67 298 1818, +380 44 298 1212;
по электронной почте poshuk@hdainp.org.ua;
написать сообщение в Facebook <https://www.facebook.com/hdainp>;
через веб-сайт <http://hdainp.org.ua>

На снимке: Евгений Захаров.

ПОКУШЕНИЕ НА ПАМЯТЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

➤ Окончание. Начало на с. 1

Прокурора СССР) и о пофамильных предписаниях на расстрел и пофамильных актах о расстреле 4873 человек, а также о месте (или местах), где производился расстрел людей, и месте (или местах) их захоронения.

13 мая более 70 научных сотрудников Российской академии наук подписались под открытым письмом, осуждающим демонтаж мемориальных табличек в память о жертвах сталинских репрессий на бывшем здании НКВД в Твери. Академики назвали демонтаж табличек «реабилитацией сталинизма» и попыткой придумать «новую версию нашей истории». «Подписавшиеся считают, что если Россия спра-

ведливо обращает внимание на попытки других стран пересмотреть итоги Второй мировой войны и исключить СССР из числа стран-победительниц, то она не имеет морального права отрицать факты собственной истории».

11 мая Федерация Катыньских семей выпустила открытое письмо в связи с демонтажом этой доски 7 мая 2020 года. ФКС — польская общественная организация, по инициативе и при участии которой в 1992 году на фасаде здания Тверского медицинского государственного университета была установлена мемориальная доска в память о тысячах расстрелянных в 1940 году польских военнопленных. Публикуем перевод на русский язык, сделанный А.Памятных.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ФЕДЕРАЦИИ КАТЫНСКИХ СЕМЕЙ

Весной 1940 года в здании НКВД в Калинин были убиты 6287 польских военнопленных, содержащихся в спецлагере в Осташкове. Погибли польские полицейские, военнослужащие Корпуса Пограничной охраны, пограничных войск и тюремной службы, люди, служившие Речи Посполитой. Жертвы Катынского преступления.

Около 30 лет тому назад, благодаря настойчивости семей Жертв, на здании в нынешней Твери была установлена мемориальная доска, которая должна была наглядно и однозначно противодействовать катынской лжи и отдать честь Убитым. Это место гибели наших Отцов, Дедов и Прадедов стало ме-

стом паломничества Катыньских семей, подобно Военному кладбищу в Медном, где они покоятся.

И в год 80-летия Катынского преступления, накануне Дня памяти об окончании Второй мировой войны, в ясный день катынская ложь вернулась: мемориальную доску в Твери сняли. Российские власти малыми шагами стремятся стереть историческую правду и отбросить ответственность за массовые убийства поляков в 1940 году.

Федерация Катыньских семей призывает польские власти и польскую дипломатию немедленно предпринять решительные действия во имя правды и защиты польской государственности. Просим неправительственные организации и всех людей доброй воли поднять свой голос в связи с этим событием. Мы погружены

в повседневные заботы, но нельзя поддаваться, когда политика хочет лишить нас исторической правды. Не забудем!

Изабелла САРИУШ-СКОМПСКА,
председатель Правления Федерации Катыньских семей.
Краков

Ранее, 8 мая, Совет по правам человека при президенте РФ обратился в Генпрокуратуру РФ с просьбой проверить обоснованность снятия мемориальных табличек в Твери. В Совете по правам человека считают этот демонтаж неправомерным. «В указанном представлении [районной прокуратуры] не содержится убедительных доводов относительно необходимости демонтажа мемориальных табличек, тем более в канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Решение властей города Калинина 1991 года об установке табличек продолжает действовать, органами прокуратуры не предпринимались никакие меры по его отмене», — говорится в сообщении на сайте Совета.

Посол Польши в Москве Владзимеж Марчиняк отметил, что ситуация может перерасти в серьезный международный скандал и в целом отражает важные тенденции. «Это вопрос исторического самосознания, исторической памяти самих россиян».

По материалам интернет-издания «7x7», газеты «Коммерсантъ», сайта СПЧ

На снимке: Демонтированные 7 мая 2020 года мемориальные доски в Твери. Скриншоты видеозаписи на канале tvnnews.ru в Youtube.

О ПОПРАВКАХ В ЗАКОН О РЕАБИЛИТАЦИИ

«Международный Мемориал» направил свой отзыв с подробными разъяснениями к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», который предложило Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Законопроект Минстроя направлен на исполнение Постановления Конституционного суда РФ от 10.12.2019 года № 39-П. В этом постановлении Конституционный суд признал, что положения статьи 13 Закона о реабилитации во взаимосвязи с иными положениями не соответствуют Конституции. «Мемориал» полагает, что законопроект Минстроя не исправляет проблему с законодательством.

Напомним, 10 декабря 2019 года в Конституционном суде РФ состоялось открытое заседание, в рамках которого рассматривалось дело Алисы Мейснер, Елизаветы Михайловой и Евгении Шашевой — трех заявительниц, реализующих свое право вернуться на прежнее место жительства, утраченное в результате репрессий. Все три женщины относятся к категории детей, родившихся в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении, и являются реабилитированными жертвами репрессий. Согласно статье 13 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», дети репрессированных, семьи которых лишены жилища в связи с репрессиями, имеют право вернуться на прежнее место проживания.

Но на своем пути к возвращению в Москву заявительницы столкнулись с ограничениями и отказами, которые стали возможны в силу противоречий, существовавших между статьей 13 Закона «О реабилитации» и несколькими пунктами жилищного закона Москвы № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения».

«Международный Мемориал» обращался в Конституционный суд в поддержку жалоб Алисы Мейснер,

Елизаветы Михайловой и Евгении Шашевой.

Решение по этому делу в декабре 2019 года было очень обнадеживающим: суд вынес постановление о несоответствии Конституции РФ ограничений жилищных прав детей репрессированных. Рассмотрев ту самую статью 13 Закона «О реабилитации» и жилищный закон, суд установил, что в правоприменительной практике их сочетание препятствует возмещению вреда реабилитированным. В постановлении суда было сказано и о необходимости незамедлительно разработать на федеральном уровне специальный механизм, который бы урегулировал реализацию права реабилитированных жертв репрессий вернуться домой.

На федеральном уровне изменения должны были коснуться статьи 13 Закона «О реабилитации» жертв политических репрессий». Подготовить их поручили Минстрою.

В итоге предложенные ведомством поправки решают только часть противоречий, мешавших жертвам репрессий реализовать свое право вернуться домой. Более того, проект снова отдает регионам возможность выносить решение об обеспечении репрессированным жильем.

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА» ЯНА РАЧИНСКОГО

Во-первых, законопроект запрещает регионам устанавливать критерии проживания, имущественного положения и наличия статуса нуждающегося в жилых помещениях. Однако не запрещает вводить иные критерии.

Хотя законопроект исправляет самые явные недостатки существовавшей системы обеспечения права жертв политических репрессий вернуться домой, но не исключает установление субъектами других ограничений, которые также мешают реализации прав реабилитированных.

Например, в Законе Москвы от 14 июня 2006 года № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» есть следующие ограничения:

— условие об отсутствии у реабилитированных лиц и членов их семей иных жилых помещений, в отношении которых они обладают правом самостоятель-

ного пользования либо правом собственности;

— условие о несостоятельности за пять лет действий, повлекших ухудшение жилищных условий;

— условие о гражданстве РФ. Разработанный законопроект не запрещает регионам устанавливать дополнительные требования для постановки на учет реабилитированных. Такие требования не соответствуют постановлению Конституционного суда, так как будут мешать восстановлению прав реабилитированных.

Более того, так как законопроект оставляет разработку механизма реализации права вернуться домой на откуп регионам, регионы могут продолжать не принимать необходимые законы.

В республиках Карелия и Северная Осетия-Алания, в Хакасии, в Амурской, Ленинградской, Сахалинской областях, а также в Ненецком автономном округе не приняты нормативные правовые акты для установления порядка принятия на учет и обеспечения жильем помещениями вернувшихся на прежнее место жительства реабилитированных лиц и членов их семей.

В Татарстане и Приморском крае отсутствие правил постановки на учет приводило к судебным тяжбам. При этом в Татарстане истцам отказали в постановке на учет, так как «в Республике Татарстан не принят закон, обязывающий органы местного самоуправления предоставлять жилье реабилитированным гражданам».

На наш взгляд, единственный выход из унылой ситуации с постановкой на учет реабилитированных и их детей — закрепить на федеральном уровне четкий порядок постановки на учет без передачи регионам права самостоятельно определять какие-либо условия, умаляющие права реабилитированных. Более того, именно такой подход наиболее соответствует постановлению Конституционного суда № 39-П.

Во-вторых, законопроект не устанавливает, что реабилитированные должны ставиться в особую очередь, а не в общую очередь на улучшение жилищных условий. Реабилитированные, так же как ветераны Великой Отечественной войны, — исчезающая группа в связи с их естественной убылью. При постановке на общую очередь их шансы реализовать право вернуться домой минимальны.

В-третьих, «Мемориал» полагает, что обязательства по финансовому обеспечению права реабилитированных вернуться домой должны быть федеральными, а не отнесены к бюджетам субъектов в силу трех причин.

Первая причина: это позволит избежать ситуации, когда регионы всеми правдами и неправдами пытаются уменьшить обязательства, устанавливая дополнительные требования для постановки в очередь.

Вторая причина: репрессии не были инициативой региональной власти. Они проводились по указанию центральной власти. Право вернуться домой по Закону о реабилитации жертв политических репрессий — это мера по заглаживанию последствий террора, устроенного и впоследствии осужденного центральной властью. Поэтому именно федеральная власть за счет федерального бюджета должна гарантировать заглаживание вины перед незаконно репрессированными.

Третья причина заключается в том, что у регионов разное благосостояние и наполняемость бюджета. Чтобы исключить саботаж регионами исполнения закона из-за отсутствия денег, «Мемориал» полагает, что финансовое обеспечение его исполнения должно идти именно из федерального бюджета.

На снимке: Ян Рачинский. Фото из архива НИГПЦ «Мемориал», Москва

«...ЧЕМ БОЛЬШЕ ВЛАСТЬ УПОРСТВУЕТ В ЦЕНЗУРЕ...»

Накануне проникновения в Россию коронавируса дебаты о Конституции сотрясли российское общество. Плебисцит по поправкам в Конституцию отложен. В нашей стране конституционные традиции, по историческим меркам, новы. Всего 115 лет исполнится осенью нынешнего года, если отсчитывать от Манифеста 17 октября 1905-го. Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка были дарованы свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности.

Нахлынет ли новая волна интереса к Конституции после отмены карантина, предсказывать не беремся и предлагаем обратить внимание на человека, который сыграл важную роль в пробуждении конституционных надежд в СССР. В декабре предстоит еще один некруглый юбилей — 55 лет со дня манифестации, на которой были развернуты лозунги с требованием соблюдать Конституцию. Она считается первой правозащитной демонстрацией в СССР. Ее инициатором стал ученый, поэт и мыслитель Александр Вольпин. Он стремился привлечь внимание общества к предстоящему политическому процессу над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Они бросили вызов цензуре и неписаным нормам поведения в советском обществе, решившись опубликовать свои произведения за границей.

едва ли не повседневными практиками интеллигенции в СССР. Память респондентов-эмигрантов из Советского Союза была еще свежа, к ней не приходилось пробиваться сквозь толщу наслоений.

Интервьюировала Александра Вольпина Раиса Орлова — литературный критик, жена Льва Копелева. Она записала большинство бесед для самиздатского проекта Института изучения Восточной Европы. Вольпина вынудили уехать из СССР в 1972-м, а Копелевых — в 1980-м. Александр Сергеевич обосновался в США, а Копелевы — в Германии. В 1985-м Орлова и Копелев приехали в Штаты и провели там больше двух месяцев. Встреча с Александром Сергеевичем состоялась в Бостоне, в этот день он успел показать Копелевым достопримечательности города.

Интервью не предназначались к публикации. Сотрудники Института понимали, что респонденты обоснованно опасаются за судьбы тех участников самиздатской активности, кто остался в СССР. Обещание, что интервью будут храниться в архиве и не попадут в печать, было выполнено.

Но кассета с записью Вольпина осталась нерасшифрованной не из соображений безопасности. Причина была в качестве фонограммы: в непрекращающемся гуле, заглушаю-

Отсутствие расшифровки сделало аудиокассету «непрозрачным объектом». Насколько нам известно, это единственное интервью, где он сосредоточенно и развернуто говорит о Самиздате.

шем речь, тонули слова и целые фразы. В медиацентре Бременского университета устранить эти проблемы не смогли. Кассету признали бракованной и не стали транскрибировать.

Отсутствие расшифровки сделало аудиокассету «непрозрачным объектом». Тем удивительней и приятней было обнаружить затерянное интервью выдающегося человека. Насколько нам известно, это единственное интервью, где он сосредоточенно и развернуто говорит о Самиздате.

Кто именно не поленился, выслушал и оцифровал кассету, столько времени пролежавшую необработанной, знает, видимо, только Габриэль Суперфин. Он много лет трудился архивариусом в Историческом архиве Института. На наш вопрос об этой записи Габриэль Гаврилович ответил, что не помнит обстоятельств находки.

Каждая публикация отрывков из книги дарит нам замечательную возможность сказать слова признательности всем, кто помогал и помогает в её создании. Нам памятна и дорога помощь нынешних и бывших сотрудников Института изучения Восточной Европы.

***
Александр Вольпин (1924–2016 годы) лучше известен под псевдонимом Есенин-Вольпин. Его отцом был Сергей Есенин. Мать, поэтесса и переводчица Надежда Вольпин, не состояла в браке с поэтом. Вольпин впервые появился в печати под псевдонимом в 1949 году, когда в «Докладах Академии наук СССР» вышла статья на основе его диссертации¹. В июне 1949-го, после учебы в аспирантуре НИИ математики МГУ, он защитил диссертацию по топологии. Интерес к математике возник у юного Алека накануне его пятнадцатилетия, когда отчим, физик Михаил Волькенштейн, подарил ему книгу «Эволюция геометрической мысли» Степана Богомолова. Через десять лет он напишет, что математика увлекла его «в силу логического характера этой науки»². Математической логикой — дисциплиной, по которой он будет специализироваться всю оставшуюся жизнь, — Вольпин начал заниматься в начале 1951 года, находясь в ссылке в Караганде. В сентябре 1950-го Особое совещание МГБ постановило выслать его как «социально опасный элемент» в Карагандинскую область на 5 лет. До этого было тюремное заключение и принудительное психиатрическое «лечение». Вольпина обвинили в том, что он, «проживая в Москве с 1946 по 1949 год, среди окружающих его лиц проводил контрреволюционную агитацию, писал стихи антисоветского характера и читал их другим лицам»³.

В стихотворениях «Никогда я не брал сохи» (1946 год) и «Ворон» (1948 год) Вольпин писал о репрессиях и идеологической индоктринации. Еще во время войны он сходил с вольномыслящими поэтами и студентами, ценившими его поэзию. С некоторыми из них (Валерией Герлин, Юрием Айхенвальдом, Наумом Коржавиным) он встретился в Караганде, куда их выслали из Москвы подобно ему. В «городе ссыльных» он также завел дружбу с известными учеными, отправленными на поселение после лагеря (Александром Чижевским, Альбертом Вайнштейном). В ссылке с помощью матери и друга Мстислава Грабаря (участника студенческой компании, именовавшей себя «Братством нищих сибаритов»)

Вольпин поддерживал связь с мехматом МГУ (в частности, получал новости о работе семинара по математической логике Петра Новикова и Софьи Яновской), вел переписку с крупными советскими математиками (Петром Новиковым, Андреем Марковым, Борисом Трахтенбротом). Именно в Караганде весной 1952 года Вольпин написал свою первую статью по математической логике, с редактированием и публикацией которой ему помогли Трахтенброт и Новиков⁴. Параллельно занятиям логикой он начал интересоваться советскими законами и судебно-процессуальными нормами.

После освобождения и возвращения в Москву из ссылки в апреле 1953 года Вольпин некоторое время работал ассистентом в МФТИ, до 1958-го — внештатным редактором реферативного журнала «Математика»

1. Есенин-Вольпин А. С. О зависимости между локальным и интегральным весом в диадических бинарных // Доклады АН СССР. 1949. Т. 68, с. 441–444.

2. Архив «Международного Мемориала» (АММ). Ф. 120. Оп. 1. Д. 13. Л. 20.

3. АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

4. Есенин-Вольпин А. С. Недоказуемость гипотезы Суслина без помощи аксиомы выбора в системе аксиом Бернаиса-Мостовского // Доклады АН СССР. 1954. Т. 96, с. 441–444.

Института научной информации (позже — ВИНИТИ АН СССР); перевел статьи и книги по теории множеств и математической логике (в частности, «Введение в метаматематику» С.К.Клини, совместно с Владимиром Успенским, с которым был знаком еще до поступления того в аспирантуру). Отношения с государством вновь обострились летом 1957 года, во время 6-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Вольпина задержали за общение с французами на политические темы и принудительно госпитализировали в психиатрическую больницу. Осенью 1959-го Вольпина арестовали за недонесение на Вячеслава Репникова, обвиненного в шпионаже. Вольпин согласился оставить у себя на хранение его листы для тайнописи, которые вскоре сжег. В начале 1960-го военный трибунал приговорил Репникова к 10 годам лагеря, а Вольпина — к принудительному лечению в ленинградской психиатрической больнице тюремного типа, в которой он находился в 1950 году. После освобождения 14 февраля 1961 года Вольпин стал работать в ВИНИТИ, под криптонимом А.С. писал статьи по математической логике для «Философской энциклопедии» (тома 3 и 4). С 1956 года параллельно всем политическим перипетиям он писал работу об ультраинтуиционистском обосновании математики, требующем проверки доказательством всех математических аксиом. С другом и коллегой Юлием Полюсуком, устроившим его в ВИНИТИ, они будут называть эту работу «Бездонной бочкой» или просто «Бочкой». Казалось, что расписывание «ультраинтуиционистской программы» Вольпина никогда не закончится.

В очередной раз его заперли в психиатрической больнице 30 декабря 1962 года, после речи секретаря ЦК КПСС Леонида Ильичева на встрече руководителей партии с деятелями литературы и искусства. Поводом для инвектив Ильичева («идейный отщепенец», «ядовитый гриб») было издание в США в 1961 году книги Вольпина с его стихотворениями и антимарксистским философским трактатом. После освобождения в марте 1963-го он подал в суд на журналиста «Огонька» Илью Шатуновского за клевету в фельетоне «Из биографии поддана». Экстраординарное для того времени событие, как он позже замечал в дневнике, было пробой пера в борьбе за свои права⁵. Вольпин считал, что реальному обеспечению прав и свобод (в первую очередь — свободы слова и отъезда и возвращения на родину), формально предоставленных советскими законами, мешает закрытый характер судопроизводства и нежелание граждан отстаивать свои права в суде. Вольпин был вдохновителем «митинга гласности» на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года. Следуя его стратегии «гражданского повиновения» (Бенджамин Натанс), манифестанты требовали гласности суда над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, арестованными в сентябре 1965 года за публикацию своих произведений за рубежом под псевдонимами. В 1967–1968 годах Вольпин оказался в центре общественной активности, вызванной арестом и судом над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой (знаменитый «Процесс четых»). Под влиянием его правового просвещения стратегией протеста диссидентов стал призыв к гласности судопроизводства и соблюдению прав и свобод, записанных в Конституции.

В феврале 1968-го Вольпина снова принудительно госпитализировали в психиатрическую больницу. Его ос-

вободят в мае после кампании протеста американских и советских математиков. Заметной вехой в истории общественного движения, которое позже назовут правозащитным, был выход в 1969 году в Самиздате его памятки с информацией о советском процессуальном праве и советах, как вести себя на допросах. В 1970 году Вольпин станет экспертом Комитета прав человека, одной из первых правозащитных организаций в СССР. Его доклады о международном и советском законодательстве распространялись в Самиздате. В мае 1972-го Вольпин эмигрировал в США. Главной причиной его отъезда было желание беспрепятственно заниматься наукой. В Америке Вольпин преподавал и занимался наукой в университетах Буффало и Бостона.

ИНТЕРВЬЮ РАИСЫ ОРЛОВОЙ С АЛЕКСАНДРОМ ВОЛЬПИНЫМ БОСТОН, 29.11.1985

Раиса Орлова (далее — РО): Будьте добры, пожалуйста, расскажите о ваших первых встречах с Самиздатом и о том, что вы помните как читатель Самиздата, как распространитель и как автор.

Александр Вольпин (далее — АВ): Я думаю, что в советское время Самиздат должен был родиться либо уже в период Гражданской войны, либо сразу после этого: как стало невозможно печататься, да, так что-то люди должны были делать; конечно, в списках ходила литература <...> Эрдман, знаменитая его пьеса «Самоубийца»⁶.

РО: А о каком времени хождения в списках вы знаете?

АВ: Люди старше меня в тридцатых годах читали. <...> Я знаю, что многие стихи Хармса, ленинградского поэта, потом погибшего, ходили в списках. Что-то из этого, может быть, печаталось, но, по-моему, эти люди просто не могли рассчитывать на то, что всё, что они пишут, напечатается, и тогда также многие стихи Мандельштама, не говоря уже о криминальных, распространялись в списках. Да и то стихотворение, за которое он поплатился в 1934 году⁷, было распространено в списках.

РО: Когда Вы лично, Вы, первый раз столкнулись с Самиздатом как автор, когда вы это прочитали или начали сами перепечатывать?

АВ: Я никогда не печатал на машинке, довольствовался — сам, когда писал, от руки, иногда кому-то что-то давал⁸. Вот так помню, вокруг меня молодые люди в 1944 году, когда нам было лет по 20... 22 — мне лично, кому-то захотелось это отпечатать на машинке и сделать в нескольких экземплярах сборничек стихов⁹. Это было сразу после войны, по-моему; могло быть и во время. Журналы разного рода, просто как грибы росли, никто их и не помнит. <...> Во все не в каждом случае власти за это преследовали. Я напоминаю, что военное время было время относительного либерализма, было не до ловли идео-

Окончание на с. 6

6. «Самоубийца» — пьеса (трагикомедия) молодого московского драматурга Н.Р.Эрдмана, написанная в 1928 году по заказу театра Мейерхольда. Попытки Мейерхольда поставить пьесу в 1928–1932 годах были пресечены, в печати ее назвали «реакционной», а намерение ставить — «антисоветским выступлением».

7. Речь идет об эпиграмме на Сталина «Мы живем, под собою не чуя страны».

8. Стихотворения Вольпина переписывали его друзья и знакомые (известно, что композитор Александр Локшин с 1948 года до мая 1953 года держал некоторые его стихотворения у себя дома). О распространении его стихотворений в 1940-е годы дальше отдельных квартир ничего не известно.

9. В своих мемуарах Наум Коржавин вспоминал, что познакомился с Вольпиным и поэтом Николаем Глазкова в 1944 году (Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. 2007. Кн. 2. С. 463–464). В то время Глазков уже занимался самодельным изготовлением сборников своих стихотворений (об этом — дальше в интервью). О сборниках Вольпина ничего не известно.

На снимке: Александр Вольпин, 1956 г. Фото РГАЛИ

«...ЧЕМ БОЛЬШЕ ВЛАСТЬ УПОРСТВУЕТ В ЦЕНЗУРЕ...»

➤ Окончание. Начало на с. 5

логических блох. А открытой такой оппозиции, тем более враждебности, если что-нибудь такое и было, то мне не попадалось. С другой стороны, известно, что более серьезная вещь — партийная оппозиция, та самая, к которой принадлежал и Троцкий, и другие, просто издавала самиздатским образом бюллетени, которые печатались на Западе. Вот их я видел.

РО: Про Самиздат пятидесяти-шестьдесят годов, в котором Александр Есенин-Вольпин играл большую роль.

АВ: Я никогда не играл большой роли в Самиздате. Я не Самиздатом занимался, я занимался юридической деятельностью¹⁰. Меня интересовала не издательская сторона дела, а анализ правовых проблем, тут без Самиздата не обойдешься в этом случае...

РО: А как распространять правосознание <...>

АВ: Технически этим занимался не я. Я не умею хранить хорошо такие вещи, плюс — техническая аккуратность, которой у [меня] не достаточно. Можно было бы поупражняться, попытаться, но я делал другие вещи. Сам писал статьи для Самиздата. То, что я там [в СССР. — Примеч.] стихи писал, а они здесь [на Западе. — Примеч.] оказались, так это не Самиздат, это я написал от руки и передал — это Тамиздат¹¹. <...> Думаю, что, хотя и были кое-какие самиздатские циркуляции этих вещей, думаю, что они были минимальные. <...> Ксерокс в России, к сожалению, не распространен, за это надо бороться, чтобы он стал распространен. <...> Проблема ксероксов очень... или шапирографов, всяких таких вещей в России, множительных разных устройств, очень остра. Ну, и чем больше власть упорствует в цензуре, чем меньше Запад может удовлетворить запросы читателей в России, тем скорее будет то время, когда публика там найдет способы с успехом разобратся...

Я не могу обойти молчанием период 1930-х годов, потому что я думаю, что тогда, в двадцатые-тридцатые годы, я думаю, что тогда и было положено начало неподцензурному хождению рукописей. Я напоминаю, что <...> 1931-й, 1932-й [годы] — до этого периода еще имелись частные издательства¹². И если не говорить о непосредственно политической литературе, то поэзия, публицистика, историографические исследования могли иметь хождение именно в Самиздате и не как-нибудь иначе. Разного рода крамольные философские мысли до поры до времени могли издаваться, их очень просто печатали в 1920-е годы, может быть, в 1930-е. А в середине 1930-х годов всё было настолько завинчено... Во времена террора известно, что даже в ГПУ передавали шепотом, что где-то типографским способом была отпечатана листовка и вывешена на стенке дома видели. <...> И практически существовали только невинные формы Самиздата, <...> та же поэзия Глазкова, впоследствии моя и так и других авторов — это всё могло быть совершенно свободно допущено в печати, ну, кроме отдельных двух-трех стихотворений с моей стороны и других, безо всяких арестов. Это всё было на самом деле терпимо, но по мотивам социально-психологическим не мог-

ло пройти цензуру. Просто мы не принадлежали тому кругу, который... Если бы то же самое писал <...>, могло бы у него это быть напечатано.

РО: Это верно совершенно.

АВ: Но такие вещи все-таки в списках ходили. Более или менее систематически. Глазков — яркий человек, его жанр — короткие стихи с преобладанием четверостиший. Такие вещи легко перепечатываются, и поэтому не случайно, он благодаря краткости своего жанра, очень приспособленного к размножению, гораздо лучше, чем [у меня]. <...> Этим, пожалуй, и объясняется то, что слово, самое понятие Самиздат, так связывается с именем Глазкова. Он же употребил первый вот это название, впоследствии стилизованное: Самсебиздат. Слово «Самиздат» некоторые произносят «Самоиздат», и, по-моему, до сих пор... оно где-то в 60-х годах, но не раньше — никто из этого события не делал — ну, существовал и существовал. По моем возвращении из ссылки, конечно, «Тёркин»¹³ ходил в Самиздате. Ходили и другие стихи, я сейчас не вспомню просто, авторы менее известны, но они ходили. В 1950-е годы, безусловно, был Самиздат; в 1960-е и особенно после снятия Хрущева он стал расцветать. А тут появилось новое явление — Тамиздат; я один из первых авторов, хотя, конечно, первенство принадлежит Пастернаку. В 1960-е годы Самиздат расширяется. Некий автор Сёмушкин ходил, если не ошибаюсь...

РО: Сёмушкин, «Алитет уходит в горы»¹⁴, абсолютно печатаемый автор.

АВ: Что-то на тему о деревне, о раскулачивании — такие вещи. Я мог исказить фамилию...

РО: Безусловно, не Сёмушкин, но я даже не знаю, о чем именно вы говорите.

АВ: В общем, был не один автор, но вот сейчас я так не смогу вспомнить... Но я просто помню, как переплетенные, на машинке, рукописи попадали в дом, ...и мы читали их. Это были последние годы при Хрущеве. Потом довольно много стихов ходило в Самиздате. И мы знаем творчество Померанца¹⁵ — это типично самиздатский автор. Когда Померанец начинал, я боюсь сказать, но я думаю, что в 1950-е годы.

РО: А что стало распространяться? Вот вы — первый, назвавшийся Померанца, это очень важно, мне кажется, именно как факт Самиздата. Потому что это первое, что помню, — это «О нравственных качествах исторической личности»¹⁶. Это был уже, безусловно, 1965-й примерно год. Было уже после падения Хрущева, я прочла.

АВ: Я думаю, что всё это было при Хрущеве¹⁷ Померанец — как раз один из главных, если говорить об истории публицистики, то как не вспомнить про Померанца — и это, по-моему, раннее начало Померанца, веро-

13. Речь идет о поэме «Тёркин на том свете». Респондент несколько неточен, он вернулся в Москву в апреле 1953 года, а «Тёркин» стал ходить позже. В 1954 году Твардовский надеялся и пытался опубликовать поэму. Редакционный набор стал источником для списков, которые широко распространялись по стране. Средой распространения служили литературные редакционно-издательские круги.

14. Тихон Захарович Сёмушкин (1900—1970 гг.), писатель. Его роман «Алитет уходит в горы» посвящен коллективизации на Чукотке. Роман был написан в 1947-1948 годах, экранизирован в 1949-м. Сведения о неофициальной циркуляции этого произведения не найдены. Видимо, респондент вспомнил книгу Сёмушкина по аналогии. Тема коллективизации вполне подходила для неподцензурного творчества, так как содержала табуированные элементы, например массовый голод начала 1930-х.

15. Григорий Соломонович Померанец (1918—2013 гг.), философ, культуролог, автор Самиздата, с 1959-го один из вдохновителей неофициальной культурной активности; известность принесла антисталинская речь (1965 год) о нравственном облике правителя, историософские и философские эссе циркулировали самостоятельно и печатались в неподцензурной периодике.

16. Неточность интервьюера: в заголовке доклада Померанца, а затем написанной на его основе статьи использовались слова «нравственный облик исторической личности».

ятно, выпадает на поздние 1950-е годы, а может быть, еще раньше. Лично меня Самиздат не очень удовлетворял тем, что я тяготел к точной философии, а это жанр, который плохо поддается перепечатке на машинке. Нужны формулы, а тексты с формулами на машинке трудно перепечатываются.

РО: <...> вот это уже тема Самиздата.

АВ: Тексты с формулами трудно перепечатывать. Здесь [в США. — Примеч.] существует немало научных публикаций, которые на самом деле не попадают в журналы — все новое, что еще не признано, проходит стадию Самиздата, если угодно — как это еще назвать? Оно печатается на машинке, иногда другими способами распространяется, однако не через обычные журналы, потому что очень длинная процедура, да и не в каждом случае автор захочет с ней связываться, потому что начинают чисто такого [рода] политикообразные беседы вокруг каждой работы, всякая эта бизнесная атмосфера... Так сколько угодно авторов пошлет их к черту¹⁸...

Самиздат усилил свое распространение после падения Хрущева. Это было время, когда многие стали открыто говорить о своем диссидентстве. На молодежь это оказало сильное влияние. Вы же знаете знаменитый анекдот о том, что мать хочет перепечатать «Войну и мир»¹⁹. Так этот анекдот конца 1960-х годов, но в те годы Самиздат, конечно, был широко распространен, чего только там не было. <...> Я думаю, что Самиздат имел максимальное распространение во второй половине 1960-х годов.

РО: Можете ли вы назвать те книги, которые лично для вас были важны? Для вас как читателя, прочитанные вами в рукописях, в Самиздате?

АВ: Я читал рукопись, скажем, Надежды Мандельштам²⁰, а она теперь напечатана. Надежда Мандельштам предвительно была распространена именно в Самиздате. Да и Солженицына мы читали в Самиздате: «В круге первом». [«Архипелаг» ГУЛАг я прочел уже здесь, я уже эмигрировал в это время; а оба — и «Раковый корпус», и «В круге первом» — обе его главные вещи — ходили именно в рукописях, в Самиздате. Солженицын — самиздатский автор. Тогда как Синявский²¹ и Даниэль²² — это уже тамиздатская литература: никто их в Самиздате [не видел], я не видал²³.

17. В отношении датировки «Нравственного облика...» респондент неточен (см. примеч. выше).

18. В 1985 году Вольпин преподавал и занимался наукой в Бостонском университете. О «научном самиздате» и трудностях публикации своих работ он писал матери в письме 1983 года: «Перепечатка на машинке в том виде, как есть, обошлась бы в тысячи долларов, которых у меня не было, нет и сейчас, и пожрала бы уйм времени, а мне надо было продолжать исследования. <...> Так что я тогда ограничился распространением своих текстов в рукописях, с помощью корерогатки. И это было непростое в отношении такой громады. Ее и хранить в одном месте нелегко. Но все же хранится в трех разных местах, в Европе тоже. Кое-что есть у издателя, которые с этим тянут годами» (РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Д. 145. Л. 2).

19. Речь идет об анекдоте, одна из вариаций которого: «Бабушка для внука перепечатывает на машинке «Войну и мир» — внук ничего, кроме самиздата, не читает» (учтен в справочнике М.Мельниченко. Советский анекдот. Указатель сюжетов. 2014. С. 625. № 3151).

20. Речь идет о «Воспоминаниях» Надежды Мандельштам, написанных в конце 1964 года и ушедших в Самиздат (по-видимому, не по ее воле) до публикации за рубежом в 1970 году (Мандельштам Н. Собрание сочинений в 2 т. 2014. Т. 1. С. 39-47).

21. Андрей Донатович Синявский (1925—1997 гг.), писатель, литературовед, критик (Москва); с 1959 года публиковал литературоведческие статьи и художественные произведения за рубежом под псевдонимом Абрам Терц. В сентябре 1965 года арестован вместе с Юлием Даниэлем за публикации на Западе своих произведений под псевдонимом. В феврале 1966 года осужден по 70-й статье («антисоветская агитация и пропаганда»). Освобожден в 1971 году, в 1973 году эмигрировал во Францию.

22. Юлий Маркович Даниэль (1925—1988 гг.), писатель, переводчик (Москва); с 1959-го передавал свои рукописи для публикации за рубежом под псевдонимом Николай Аржак. Одновременно А.Д.Синявского, политзаключенный. Произведения циркулировали в сам- и тамиздатских версиях (инкриминировались на политических процессах, преимущественно проза).

23. Вольпин не совсем точен. Известно дело И.Е.Бурмистровича, которому было инкриминировано распространение произведений писателей в машинописном виде.

Нам особенно приятно назвать имена коллег, которые помогли создать транскрипт этого интервью: Ирину Купер, Илью Миклашевского и Петра Трубецкого (он предоставил версию записи с понижением шума). В дальнейшем редактирование внесли вклад Алексей Пятковский и Elizaveta Горбачева.

С удовольствием благодарим Дмитрия Зубарева за участие в составлении комментариев. Он и Алексей Пятковский осуществили экспертное чтение транскрипта. Ценными были консультации Ирины Кристи, которая щедро уделяла нам время. Благодарим ее от всего сердца.

Текст адаптировал Андрей Гросс — исследователь жизни и идей Александра Вольпина. Он же написал биографическую справку, предваряющую интервью, и добавил к транскрипту отдельные комментарии.

Было бы великолепно заполнить лакуны, которые остались в транскрипте. Мы будем благодарны людям, способным помочь в такой реконструкции — тем, кто обладает релевантными источниками или способен дать консультацию, которая поможет их найти teto.projects@gmail.com. Слова признательности за помощь непременно появятся в книге.

РО: А для вас лично была разница между Самиздатом и Тамиздатом, когда вы читали, или вам было важно, что прочитать, а не ...?

АВ: Мне, конечно, важно, что прочитать, я отдал бы предпочтение типографскому тексту... просто потому, что я знаю, что Самиздат, увы, перевирает. (Смеется) <...> С другой стороны, и печать перевирает, вот тут — кто больше... (Смеется).

РО: <...> Другая сторона этого же вопроса: не считаете ли вы, что Самиздат есть все-таки некое выражение на самом деле Само... то есть некоего движения, возникшего внутри страны, в то время как Тамиздат есть нечто привозное. Для вас этой разницы нету?

АВ: Нет, я имею дело с автором прежде всего. Каким способом ему было удобнее, сподручнее воспользоваться, таким он и делал. Автор для меня — одно и то же лицо — независимо от того, где он находится: мало ли, сегодня был он здесь, завтра он там.

РО: Скажите, пожалуйста, ну, теперь в вашей памяти²⁴, к тому, что все-таки было, насколько я понимаю, вашим действительно важным делом там, а именно: правосознание, начатки правосознания, первая такая памятка, и так далее; вот то, как вы это написали, а дальше вопрос о распространении этого.

АВ: Попросил меня, помню, Григоренко²⁵, — я до этого давал ему массу устных советов, меня просили это систематизировать, я не поленился и дня три сидел все это записывал.

РО: Какой год?

АВ: Это было 1969-й²⁶. Когда было написано, я их отнес, по-моему, Наташе Горбаневской²⁷, а может, кому-то еще, может быть, Люде Алексеевой²⁸, я уже не помню, кому я это отнес. Я считал свою задачу законченной. Когда я

24. «Юридическая памятка» (Юридическая памятка для тех, кому предстоит допрос) — первое неофициальное правовое пособие в СССР. Было адресовано прежде всего инакомыслящим (им грозили допросы в советских правоохранительных органах в качестве обвиняемых) или их близким (они могли предстать перед следователями как свидетели). Памятка разошлась в Самиздате, изымалась на обысках.

25. Петр Григорьевич Григоренко (1907—1987 гг.), генерал-майор Вооруженных сил СССР, правозащитник, автор Самиздата. В сентябре 1961 года на партконференции выступил с критикой привилегий партийных чиновников и требования демократизации власти, за что был лишен мандата; в открытом письме избирательным критиковал политику Никиты Хрущева, вследствие чего был снят с воинской должности и переведен на службу на Дальний Восток. В 1963 году создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма», распространявший листовки против «боржанистского перерождения» властей; в 1964 году арестован, заключен в спецлагерь (лечебницу с тюремным режимом). После освобождения в апреле 1965 году попал в среду московских инакомыслящих, в 1967—1969 годах стал одной из ведущих фигур общественного брожения, писал и подписывал коллективные письма, выступал в поддержку крымскотатарского движения. В мае 1969 года был арестован в Ташкенте, вновь помещен в спецлагерь. Переведен в обычную лечебницу и освобожден (на это, видимо, повлиял переход к политике «разрядки»). В 1976 году стал членом Московской Хельсинкской группы и одним из основателей Украинской, в 1977 году получил разрешение на поездку в США.

26. Аннотация самиздатской новинки появилась в 6-м выпуске «Хроники текущих событий», датированном 28.02.1969 г.

27. Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936—2013 гг.), поэтесса, переводчица, правозащитница. В 1956 году допрашивалась КГБ по делу о листовке с протестом против подавления Венгерской революции, в 1957 году исключена из МГУ. В 1959-1960 годах стихи Горбаневской были опубликованы в неподцензурной периодике: журналы «Синтаксис» и альманах «Феникс». В 1967-1968 годах участвует в петиционной кампании вокруг «процесса четырех» (дело Александра Гинзбурга, Юрия Галанцова и других), в 1968 году становится одним из инициаторов и первым редактором правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». 25 августа 1968 года приняла участие в демонстрации против введения советских войск в Чехословакию на Красной площади. Участница Инициативной группы защиты прав человека в СССР (1969 год), в декабре арестована, содержалась в Бутырской тюрьме и в Институте имени Сергобого. В апреле 1970 года признана «невменяемой» и отправлена в Казанскую спецлагерь, где находилась до октября 1971 года. В 1970-м за рубежом выходит «Полдень» — документальный сборник о демонстрации на Красной площади, составленный Горбаневской. После освобождения (1972 год) продолжила помогать «хроникарам». В 1975-м эмигрировала во Францию, была ключевым сотрудником редакции журнала «Континент».

28. Людмила Михайловна Алексеева (1927—2018 гг.), правозащитница, историк. В 1959—1962 годах входит в протодиссидентский круг, знакомится с Юлием Даниэлем, Ларисой Богораз, Александром Вольпиным. В 1964 году Алексеева присутствовала на процессе по иску Вольпина к журналисту «Огонька» за клеветнические нападки в свой адрес в фельетоне. После ареста и суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (1965—1966 годы) включилась в организацию помощи политзаключенным, принимает участие в акциях солидарности (так называемое стояние у судов), в петиционной кампании вокруг «процесса четырех». В 1968 году исключена из КПСС. С 1968 по 1972 г. печатала стартовый тираж выпуска «Хроники текущих событий». В 1976-м Алексеева участвовала в создании Московской Хельсинкской группы, стала ее необъявленным секретарем. В феврале 1977 года Алексеева была вынуждена эмигрировать в США, где работала журналистом и консультантом правительственных и правозащитных организаций. В 1984 году опубликовала фундаментальную работу об истории советского диссидентского движения («История инакомыслия в СССР»). После распада Советского Союза Алексеева вернулась в Россию, с 1996 по 2018 год возглавляла Московскую Хельсинкскую группу.

29. «Общественные проблемы» («Сборник избранных текстов Самиздата, посвященных общественным проблемам») — машинописное периодическое издание. Его выпуск в 1969-1972 годах осуществлял физик и правозащитник Валерий Чалидзе (1938—2018 гг.). Вышло 15 выпусков (объем каждого составлял от 50 до 100 с.). Вольпин был постоянным автором рубрики «Право».

написал — ах, ну да, надо еще, что-бы это напечатали; и дальнейшее — у меня уже другие вопросы — я уже написал, и все. (Смеется).

РО: Возвращалось ли это к вам? В каком-то виде? В перевранном?..

АВ: Я думаю, что у меня, смотря по обстоятельствам, мог быть, мог не быть экземплярчик. Могли казаться, долго не держал бы, раздал бы знакомым.

РО: Я сейчас даже не об экземплярах, а о воздействии... так сказать: приходили ли к вам люди, спорили ли? То есть было ли у вас ощущение, что написанное вами стало элементом общественного, так сказать, сознания?

АВ: Я думаю, что просто был такой факт, я уже не думал об ощущении, я видел: кое-что усвоили — ну, прекрасно; надо еще что-то добавить к этому. Ну вот там «Общественные проблемы» Чалидзе²⁹ — как-то этот журнал заглох, он здесь [в США — Примеч.] не нашел поддержки. Но вот это была моя с Чалидзе самиздатская деятельность, тут я участвовал. Это были и 1969-й, 1970-й, начиная с 1968 года, года два. А в начале, по-моему, 1971-го, где-нибудь, в начале 1972-го — я еще в Москве — эта деятельность прекратилась... На самом деле <...> каждое такое издательство не очень долго существует: оно, даже если авторов не сажают, все равно в конце концов исчерпывается круг тем, а что касается читательского интереса — ну эт скорее Валерия [Чалидзе. — Примеч.] интересовало, чем меня. Я думаю: как, что, меня формулировки интересуют. <...> Их интересует другое — так пускай читают других авторов, вот и всё. Но сам я писать так, как кому-то интересно, не писал. У меня такое к этому отношение. Поэтому я, наверное, и не стал профессиональным писателем. <...> Мыслительно сколько угодно может игнорировать все общественные течения, просто он не своевременен, но он не может при этом быть популярным писателем; если он не имеет популярности, ну, кроме его близких друзей, никто не станет перепечатывать того, что он пишет...

РО: А перепечатывали ли эту памятку люди, которые, так сказать, совершенно не были вашими друзьями?

АВ: <...> По моему прибитию на Запад я <...> к этому еще раз приложил руку, я там еще какие-то лекции читал, но совершенно мне вот эта вся... когда я слышу слово «конъюнктура» или соображения о том, кому что интересно, то мне хочется встать и уйти. Пускай говорят про это без меня. (Смеется.)

Андрей ГРОСС,
Геннадий КУЗОВКИН

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» БЕЗ СЕРГЕЯ ЩЕГЛОВА

➤ Окончание. Начало на с. 1

боте на Норильском комбинате до особого распоряжения. Продолжал работать на комбинате, учился во Всесоюзном заочном политехническом институте. В 1955 году защитил диплом инженера-технолога по химическому производству. Заведовал научно-исследовательской лабораторией, затем был начальником завода по производству взрывчатых веществ и технического кислорода.

В 1959 году Сергей Щеглов был реабилитирован Верховным судом РСФСР. Переехал жить в Тулу, где работал начальником участка «Союзкислородмонтаж» на Новотульском металлургическом заводе.

В 1963 году осуществил свою мечту посвятить себя журналистике и литературе, пришел в редакцию газеты «Коммунар», ра-

ботал там до выхода на пенсию в 1984 году, затем в редакции газеты «Тульские известия» (1991–1997 годы).

В перестройку был одним из основателей Тульского «Мемориала», а с 1990 по 2018 год – его бессменным председателем. Но и позже, находясь дома, работал до последней минуты. Трудолюбие – его отличительная черта. На похоронах родные дарили присутствующим только что сошедшую с печатного станка последнюю книгу С.Л.Щеглова о его многолетнем друге и соратнике «Поэт-мыслитель на перекрестке времен. Документально-публицистическая повесть о жизни и творчестве Владимира Лазарева».

С ноября 1997 года – член совета, исполнительного комитета и координатор Конгресса ин-

теллигенции Тульской области. Член Союза журналистов СССР и России с февраля 1959 года, член Союза российских писателей с октября 2001 года.

В газетах, в том числе «30 октября», журналах, альманахах, сборниках Москвы, Ленинграда, Красноярска, Новосибирска, Горького, Тулы, Краснодара, Баку и других городов опубликовал свыше трех тысяч статей, очерков, корреспонденций, репортажей, рассказов, фельетонов, стихотворений, рецензий, две повести. Выпустил 14 книг – историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально-мемуарных. Главная тема творчества – политические репрессии в СССР, многие книги он подписывал псевдонимом Сергей Норильский в память о го-

дах, проведенных в Норильлаге. Более того, Сергей Щеглов был почетным гражданином Норильска.

За книгу «Сергей Степанов» удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского (1976 год). Вторично получил эту премию в 1991 году – за серию публикаций «Всех поименно назвать» (очерки о репрессированных по политическим мотивам). За книги «Сталинская премия» и «Не вечно зло, если добро много» Сергею Щеглову присуждена литературная премия имени Льва Толстого за 2000 год.

Вся общественная деятельность С.Л.Щеглова носила заметный социально значимый характер. Сергей Львович был очень внимателен к людям и их социальным проблемам. За время работы в Тульском обществе «Мемориал» он неуклон отстаивал права и законные интересы туляков – жертв политических репрессий, а также способствовал формированию патриотизма и гражданственности у молодого поколения жителей города Тулы. Он стал настоящим авторитетом в кругах тульской интеллигенции и яв-

лялся членом Общественной палаты Тульской области.

Результатом литературно-краеведческой деятельности С.Л.Щеглова стало привлечение внимания общественности к наследию великих тульских писателей и других знаменитых туляков. На его книгах и работах воспитывались многие поколения туляков.

Сергей Львович награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и другими медалями, почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 2005-м удостоен Ордена Доброты; в 2013-м – Почетным знаком Администрации города Тулы «За заслуги перед городом» 2-й степени; в 2015-м – 1-й степени.

Сергей Львович был внимателен к людям, и они платили ему той же монетой. То, что он был среди нас, его единомышленников, помогает нам в нашей жизни и позволяет не падать духом.

Владимир КУЛИКОВ,
Елена СЕРГИНА,
Тульский «Мемориал»

РЕГИОНЫ

КАК КАЗАКИ ИЗ КОЛХОЗА ВЫХОДИЛИ

Любопытные документы в музей истории Оренбурга принес человек с «редким» именем Александр Иванов, праправнук расстрелянного колхозника. В них сказано, что колхозники голодают, скотину отобрали, паек не дают и надумали они подать коллективное заявление о выходе из колхоза. Чтобы никого не обвинили, заявление написали по кругу, без подписей. Но виновных, конечно, нашли – братьев Ивановых – Федота и Антона!

В Книге Памяти жертв политических репрессий, изданной музеем истории Оренбурга в 2015 году, под номером 5615 – Иванов Антон Павлович 1880 года рождения, дело 00213, колхозник села Артемьевка Абдулинского района, приговорен 15.09.1932 г. тройкой ПП ОГПУ по Средневолжскому краю к 2 годам ИТЛ. Реабилитирован 22.08.1989 года.

А под номером 5616 – Иванов Федот Павлович 1885 года рождения, дело 17548, работал в колхозе имени Литвинова Абдулинского района, приговорен 31.10.1937 г. тройкой УНКВД по Оренбургской области к ВМН. Реабилитирован 23.08.1989 года. Вот и вся история с выходом из колхоза.

О том, как жили казаки в колхозе, я могу рассказать на опыте моей семьи. Моя родная Кардаиловка Кваркенского района Оренбургской области тому яркий пример. Наш дед имел свою землю на реке Гусихе. Это степная речка – тихая летом, бурная весной. Плодородная земля давала пшеницу, горох, овес – словом, то, что кормило казаков. Никто никогда мне не говорил, что это земля наша – казаков Кравцовых. Был стан-карда¹ с навесом, куда сыпали зерно, потом туда загоняли осенью свой скот, укрывали от дождя. Овечий кизяк² мы резали с мамой, когда туда загоняли уже колхозных овец, и мама рассказывала, как работала в старое время.

А отец мой рассказывал, как он искал колхозную лошадь, зашел в пустую карду и увидел там спящего волка. Со страху огрел его кнута – и они с волком разбежались в разные стороны ...

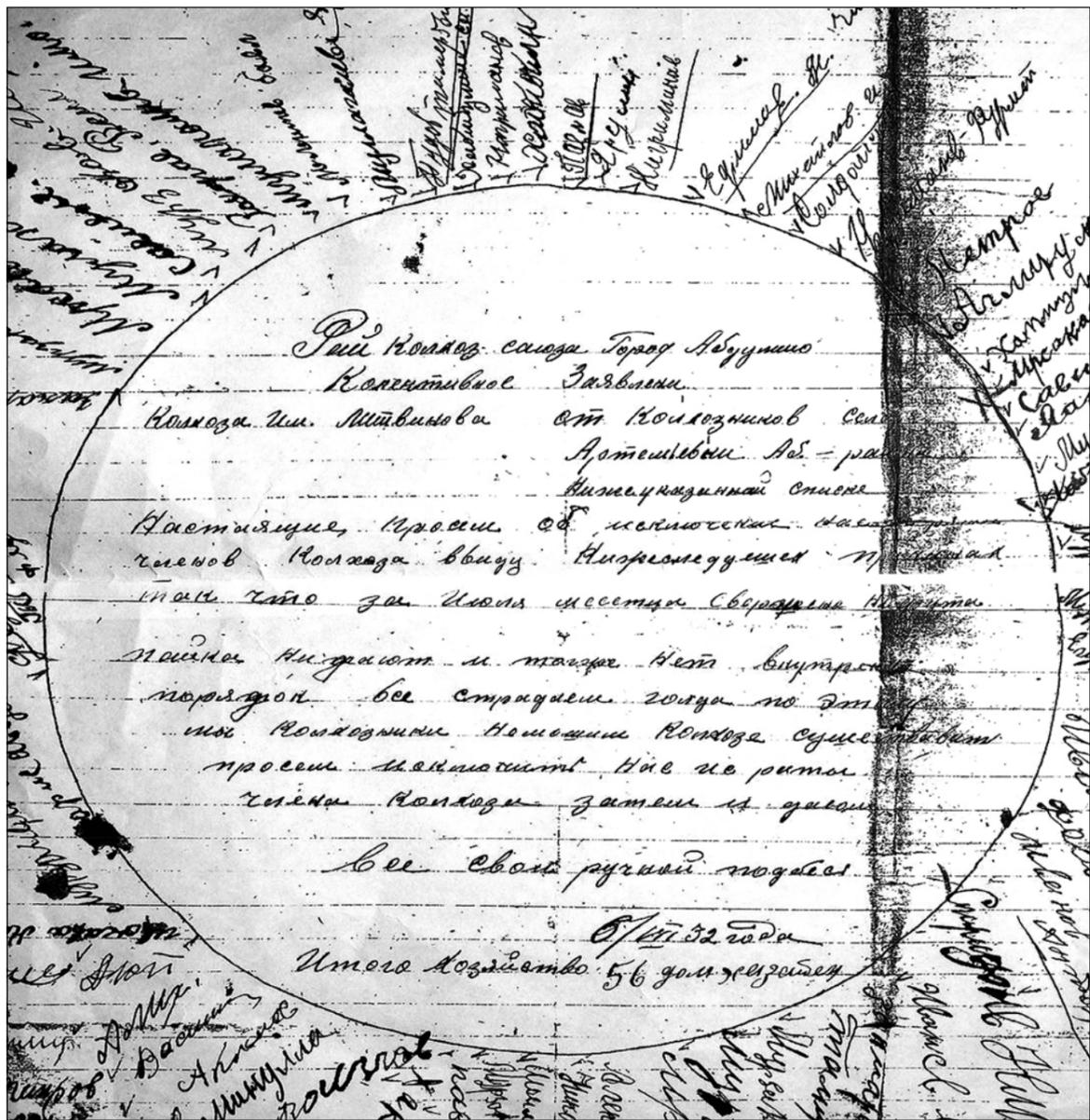
Рассказы о волках в деревне самые интересные и нужные ... Главное из

них выяснилось, что казачья карда принадлежала моему деду. А моя бабушка Агафья, рассказывая тоже о встрече с волком, упомянула, что у родственников жены старшего сына была своя мельница в селе Кизил. Бабушка понесла обед на мельницу сыну Михаилу через поле и встретила с молодым волком. Выросшая в лесах Белоречья, она знала: не надо бежать! Остановилась, не шевелясь, и читала «Отче наш» и другие молитвы. Волк обошел ее вокруг и побежал дальше. Сын отвез ее назад на тарантасе, запряженном лошадей.

Агафья работала поварихой на заезжем дворе в селе Кизил. Там была ярмарка, куда казаки возили излишки хлеба. Позже, когда всех казаков загнали в колхоз и обобществили скот в коммуне, работала в столовой Кардаиловки.

Про то как работали в колхозе, я помню не по рассказам. Моя мама, Аграфена Яковлевна, дочь удалого казака Якова Семеновича Кравцова – участника Первой мировой, а потом колхозного конюха, работала на разных объектах от зари до зари. То они с женщинами обмазывают ферму, то детсад. На руках носили замесы глины с навесом. Или в январский холод возили с поля сено, которое не успевали привезти летом. Возили на быках три повозки друг за другом. Приезжали промерзшие до костей, руки сразу в воду, пока не отойдут. От холода не спасали платки и варежки!

Сестра мамы, Евгения, работала колхозной огородницей – поливала грядки озерной или родниковой водой. Огородники сами копали бороздки, по которым поливали капусту, огурцы. Босиком в мокрой земле целый день!

В молодости Евгения пережила раскулачивание родителей мужа – забрали дом, они жили в землянке. Ее муж Федор Ильич ушел на фронт в первые месяцы войны и дошел до Берлина, как и мой отец.

Евгения Яковлевна по ночам вязала платки, чтобы выкупить отчий дом мужа. Сумму выкупа назначило правление колхоза, но, когда она ее набрала, правлению показалось, что мало. В 1944 году она все же собрала нужную сумму и вернула дом. Федор Ильич пришел в 1945 году с фронта в свой родной дом!

1. Плетеный или бревенчатый загон для скота без крыши.
2. Прессованный, с примесью соломы навоз, употребляемый в степных и южных районах как топливо и для сельских построек

Роза ЧУБАРЕВА,
Оренбургский «Мемориал»

На снимке: письмо казаков о выходе из колхоза со следующим текстом (орфография сохранена):

Рай колхоз союза Город Абдулино
Коллективное Заявление
Колхоз им. Литвинова
От Колхозников села
Артемьевка Аб.района
Нижеуказанной списке

Настоящие просим об исключении нас
Членов Колхоза ввиду Нижеследующих причинах
Так что за июля месяца св/ нифунта
Пайки недают м также нет внутренних
Порядок все страдаем голода поэтому
Мы колхозники неможем Колхозе существовать
Просим исключить нас ис ряды
Члена Колхоза затем и даем

Все свои ручные подписи
6/III 32 года
Итого хозяйство 56 домохозяйств

Фото из архива Оренбургского «Мемориала»

ПОЧЕМУ ПРИВИДЕНИЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Наследие ранних лет СССР и сталинских репрессий — это очень плодородная почва для произрастания разных личных и семейных проблем, которые порождаются замалчиваемыми событиями. Так как эти события замалчиваются и на уровне общества, и в семьях, создается впечатление, как будто проблемы взялись ниоткуда.

На самом деле информация, о которой молчат, живет и передается из поколения в поколение. И это не мистика.

Среди потомков репрессированных мало тех, кто имеет о произошедшем достаточно ясное представление. Кто-то получил информацию в общем, урывками, кто-то вообще не знает, что в роду были репрессированные. А кто-то смутно представляет, что вообще называется репрессией («В моем роду репрессированных не было; только раскулаченные»). Я сама столкнулась с тем, что многих моих родных репрессировали. Наследие репрессий продолжает жить в душах у нас, людей нашего постсоветского общества, часто без нашего ведома, и сказывается на нашей жизни. Я расскажу, почему знать все-таки лучше, чем не знать.

Тема репрессий по-прежнему тут и там не получает права голоса. Скажем, Великая Отечественная война — это легитимная тема. Участники этой войны воспринимаются как герои. Ими гордятся. А о репрессированных дедах и прадедах обычно молчат. По молчаливому сговору эта тема избегается. Люди и не задумываются почему. Когда-то, в советском детстве, мы несколько раз в год участвовали в мероприятиях в память о Великой Отечественной войне, и ни разу за курс обучения не было мероприятия в память о жертвах сталинизма.

И хотя на бытовом уровне люди иногда заводят разговоры о репрессиях, как-то быстро появляются желающие эту тему закрыть. Потому что сразу становится тревожно. Вот кто-то начинает говорить про деда — «врага народа», чьи фотографии были уничтожены. И тут же слышит в ответ: «А откуда ты знаешь, что это — репрессированный? Может, бабушка с ним просто поссорилась?» Также, когда упоминают репрессированного, часто в ответ слышат: «А вы уверены, что это был не уголовник?» Я слышала и такой вариант: «Можно было хотеть попасть в лагерь, чтобы не идти на войну». Когда я заинтересовалась темой репрессий и начала про это писать в социальных сетях, нескольких друзей там сразу же потеряла. Не секрет, что люди предпочитают вспоминать хорошее.

Кстати, о хорошем. Помните песенку сталинских времен: «В городском саду играет духовой оркестр...» О чем мне напоминает эта песенка? С моей молодой бабушкой произошла такая трогательная история. Как раз в городском парке. Был 1936 год. Бабушкин отец был в Дмитлаге — страшном месте, где в среднем погибало больше четырех тысяч заключенных в год. Но при любой власти жизнь продолжается. Бабушка с подружкой сидели на скамейке и дурачились, подбрасывая в воздух коробок спичек: кто быстрее схватит. А по аллее шли два парня. Один ловко поймал коробок в воздухе и сказал девушкам: «Отдадим, когда скажете, как вас зовут». Это был мой дед; вскоре они с бабушкой поженились. Бабушкиного отца освободили тяжелобольного, когда он больше не мог работать. Дома уже была пятимесячная внучка — моя тетя. Ей потом рассказывали, что он первое время без конца носил ее на руках. Тетя мне говорит: «Давали ведь ребенка больному туберкулезом, не боялись». Как знать: может, и боялись, но не дать не могли... Вскоре он умер. Никто не заболел, — ну и слава богу. А той девочке, которую он носил на руках, теперь уже за восемьдесят.

Кстати, бабушка, выходя замуж, сохранила фамилию отца. Недавно я вдруг оценила поступок деда, который не побоялся жениться на дочери заключенного «вредителя».

Мы учились в советских школах и читали про великие стройки социализма. За этими стройками стоял ГУЛАГ. Дмитлаг, где был мой прадед, — крупное его подразделение, канал Москва—Волга. Как и на многих других великих стройках социализма, на нем работали заключенные.

Люди предпочитали и предпочитают вспоминать что-то хорошее. Мама всегда звала меня к телевизору, когда показывали старые советские кинокомедии. Мне они тоже казались очень смешными. Но желающие могут найти в Интернете информацию о том, как во время съемок известной комедии «Волга-Волга» арестовали оператора, арестовали директора... А творческий коллектив продолжал снимать комедию...

Между прочим, традиция замечательно добрых и сентиментальных советских мультфильмов зародилась именно при Сталине. Помните старый мультфильм «Серая шейка»? Так жаль детям уточку, плакать хочется... По учебникам истории и по книжкам так нам представлялась советская жизнь: добрая страна, хорошее детство, изобилие. Если бы только не война...

Вообще мы, люди, любим правду выборочно. Любим ту, которая нам больше нравится. Бывают в человеческом обществе такие ситуации, когда какая-то нежелательная правда замалчивается.

И все же мы росли с информацией о репрессиях

Теперь, когда я стала взрослой, вспоминаю, как эта информация просачивалась. И как она на бессознательном уровне, конечно же, в моей голове была. И теперь я хочу задаться вопросами. Вот такими.

Каким образом вся эта информация появляется

Я с детства люблю истории о привидениях. Я никогда в них не верила, но в них есть глубокий смысл: привидение приходит, чтобы достучаться до человека, открыть ему что-то важное. Иногда — чтобы признали чью-то вину перед привидением, узнав о том, что с ним произошло. Когда привидению удается этого добиться, оно обычно успокаивается.

Так вновь и вновь пытается вернуться к нам информация о репрессиях. Как происходит, что «призраки репрессированных» напоминают о себе, когда мы не хотим о них знать?

Прежде всего, мы жили в среде, где эта информация была. Нам многое говорило о ней. Информация сохранялась:

— В обществе. Особенно хорошо это помнит мое поколение, которое выросло при социализме и которому в школе о репрессиях ничего не рассказывали. Но... Помните все известные дешевые советские папиросы «Беломорканал»? Беломорканал — это крупное подразделение ГУЛАГа. Далее —

кто помнит БАМ? Знаменитая и славная комсомольская стройка, ранее — лагерь сталинских времен. Еще одно крупное подразделение ГУЛАГа БАМлаг. Да, строительство впоследствии продолжали комсомольцы. А еще мы в школе учили наизусть стихотворение Маяковского: «По небу тучи бегают, дождями сумрак сжат, под старою телегою рабочий лежат. И слышит шепот гордый вода и под и над «Через четыре года здесь будет город-сад!». Стихотворение славит самоотверженных советских рабочих, которые трудятся в нечеловеческих условиях ради прекрасного будущего. Недавно узнала, кто были эти люди. Они не по доброй воле приехали туда работать.

— В семьях. Например, я помню человека, который действительно был среди моей родни кем-то вроде привидения. Я не знала, как его зовут и откуда он вообще приезжает. Но он периодически появлялся в доме моей бабушки по отцовской линии. Родственник-незнакомец здоровался, говорил «до свидания», смущенно улыбался. Мы никогда с ним не разговаривали, не знакомились. Я знала, что он какой-то мой родственник. Не

более того. Мы сидели с ним за одним столом. Он молчал. Кажется, что он общался тесно только с бабушкой и только надеялся. Как-то однажды я спросила бабушку: «Как зовут этого деда?» (Почему-то спросила, когда его не было рядом.) Бабушка сказала: «Вильгельм». Бабушка была наполювину немкой, и это был ее родственник по матери. И таким образом возникла немецкая тема в семье, о которой я никогда не задумывалась. Мать бабушки была из многодетной семьи: у нее были братья-сестры, у всех были дети. А у бабушки не было родных братьев и сестер, но она росла, общаясь с двоюродными. Вильгельм — один из них. Немецкие родственники были местными, я должна была знать их с детства. «Где они все?» — спросила я. И тогда мне рассказала тетя: депортировали всех тех, кому до этого повезло. Потому что советские немцы — один из репрессированных народов, и каток репрессий прошел по ним до войны. Тетя догадалась расспросить о судьбе этой семьи в последний год бабушкиной жизни. И тетя пересказала то, что, сбиваясь, рассказала бабушка: «Фрида умерла. Или это была Мария? Мария тоже куда-то делась. Одного брата расстреляли под Машуком... У Вильгельма были два брата, оба пропали. Он их искал много лет и не нашел». Тогда я поняла, что Вильгельм — это молчаливое

напоминание о судьбе семьи, которой не стало. Родственник, который выжил и сохранил связь с двоюродной сестрой, каждый год молча, как привидение, появлялся на родине и приходил в ее дом. Человек без имени, без истории. Без голоса.

Про прабабушку Катю, бабушкину мать-немку, говорили, что единственная песня, которую она пела на немецком, — «Милый Августин». Сейчас эта песенка кажется нам несерьезной, «мультишной». Вообще она, от начала до конца, — о потерях. Там перечисляется все, чего в жизни больше не будет. Да, прабабушка была единственной в своей семье, которая вышла замуж за русского. Ее муж стал инженером, работал в железнодорожном депо. Говорят, прабабушка Катя очень гордилась: муж инженер — это было престижно. Но в начале тридцатых его посадили за «участие в контрреволюционном заговоре» и «вредительство». Это тот самый прадед, которого убил каторжный труд в Дмитлаге.

— И что-то очень личное тоже напоминает... А на кого мы похожи? До войны у бабушки Нюси был гражданский муж по имени Федор. У них было двое детей: мама и мальчик Коля. Потом Федор ушел на войну. В детстве мне всегда говорили, что он пропал без вести. Вскоре мальчик Коля умер от воспаления легких. После войны бабушка встретила мужчину, который на ней женился и удочерил маму. Все фотографии Федора и с Федором уничтожены; я не знаю, как он выглядел. Как-то в детстве я читала журнал «Пионер» и говорю бабушке: «Давай напишем красным следопытам. Может, он жив, и они его найдут». (Конечно, не нашли бы, тем более что на самом деле деда Федора прямо на фронте арестовали по пятидесяти восьмой.) Бабушка ответила: «А зачем?» И правда... Но с тех пор я иногда вот что думаю. В нашей семье у всех серые глаза, по обеим линиям. Только у мамы карие, да еще у меня непонятные: в середине карие, по краям — серые. И я думаю: наверное, у этого Федора были карие глаза.

Иногда нам говорили о ранней советской истории прямо. А мы не слушали

Кроме того, что мы жили в этой обстановке, чувствовали ее кожей, дышали этим воздухом, нам иногда про это говорили прямо.

Другой вопрос, как мы это слышали. Мы умели ничего не запоминать. Или не верить сказанному.

О нежелательной, «не подходящей ко двору» информации у меня тоже есть воспоминания.

Один из прадедов был белым. Бабушка Нюся однажды обмолвилась, что ее отец-офицер был белогвардейцем. Я, правильный советский ребенок, была в шоке: «Прадедущка — белый?» Бабушка сразу сообразила, что сказать: «Он был сначала белый, потом — красный». Я не то чтобы поверила, а просто больше не спрашивала.

Позже сестра говорила, что этот белый офицер эмигрировал. А я почему-то была уверена в том, что это — ее фантазия. И совсем недавно в первый раз спросила: «Тебе кто-то это сказал?» — «Ну конечно. Бабушка Нюся и сказала». Кстати, то, что белый офицер эмигрировал, звучало очень правдоподобно.

Чаще всего мы ничего не говорили и не вспоминали, а что-то вновь и вновь повторяли в своей жизни. Так люди иногда неосознанно «вспоминают» на поведенческом уровне.

Иногда люди вновь и вновь разыгрывают в жизни одну и ту же драму. И не в одном поколении. Я знаю семью, в которой ребенок постоянно избивали и называли вредителем. Это чисто сталинское слово.

Я могу фантазировать о том, как память о репрессиях сама собой проявляется в моей жизни:

— Уже говорила, что с детства люблю истории о привидениях.

— Мне с детства надо кого-то спасти. (Вот так и стала психологом.) Сейчас думаю: как много было в моем роду людей, которых некому было спасти.

— Я умею хорошо и много работать, но совершенно не способна от этого богатеть. Мне с детства говорили, что у хороших людей денег нет; я росла, слыша мантру: «мы честные и бедные». Совсем недавно поняла, что большинство моих предков до революции были далеко не бедными. Потом потеряли все, что нажили. А потом для тех, кто попал под суд, все, что у них отняли, было отягчающим обстоятельством. Дескать: был богатым, отняли и это, и то — значит, человек естественно настроен против советской власти. Так и в деле могли написать. Логично. А семья прочно усвоила: не иметь богатства безопаснее.

— У меня всегда было странное отношение к Советскому Союзу. Не то чтобы я его когда-то ненавидела. Но я его как-то стеснялась, чувствовала: что-то не так с рассказами про то, что мы лучше всех. Я с детства всегда любила историю. Люблю, кроме новейшей — истории СССР: истории революции, Второй мировой войны. Случайно? Совсем нет. Ведь именно там — боль наших семей, боль нашего происхождения. Не трогать! К тому же неосознанно я (и наверняка не только я) могла чувствовать ту фальшь, с которой излагались события советского времени.

Сейчас, узнав про семейную боль, я стала способна интересоваться историей этого периода. Мы росли обманутыми, изучая историю, в которой Великая Отечественная была, а ГУЛАГа не было. Теперь я читаю и про войну, и про революцию, и впервые в жизни прочитала «Архипелаг ГУЛАГа». А в те годы я вполне, казалось, рационально объясняла свое нежелание знать историю СССР тем, что советские годы — это не история, а наша современность, ведь еще были живы люди, которые застали и революцию, и войну.

Но в том-то и дело! Пока они были живы, им было о чем рассказать. Хотя как знать... Я ведь не только себя, а, вероятно, их тоже щадила, не спрашивая о болезненных темах, которых они избегали, давали понять: «Молчи!»

Добавлю не только о себе: бывает у некоторых людей постоянное смутное чувство (как фон), что с ними, с их собственной семьей что-то не так. Если у вас есть в роду репрессированные, ответьте, пожалуйста, на вопрос: Появлялись ли у вас мысли о том, что вы странный человек из странной семьи? А ведь это, в общем, просто: так чувствуют себя все выросшие в семьях, где замалчивают большие трагедии. Что-то действительно не так, но от вас скрыли.

Была ли я сама готова узнать больше? Не уверена. Вообще мы любим правду выборочно. Любим ту, которая нам больше нравится.

Что люди делают, когда не хотят знать правду

Вот вы говорите человеку: «Очнись! Посмотри! Ну это же очевидно!» — и либо человек проигнорирует то, что ты гово-

ришь, либо сменит тему. Либо будет слушать и кивать: «да-да-да», а потом выяснится, что он напрочь забыл, о чем вы ему рассказывали.

Люди не хотят знать про репрессии.

Если вы наберете в строке поиска в Интернете выражение «сталинские репрессии» на русском языке, то на каждые одну-две ссылки про репрессии будет четыре-пять ссылок о том, что их на самом деле не было. Или что их масштаб преувеличен. С про-

нией: «Правда об «ужасных сталинских репрессиях» (именно так, в кавычках).

Что пишут в опровержение

— Это все наврал Солженицын. Моя бабушка, у которой первого мужа арестовали по политической статье, когда он был на фронте (как и Солженицын, кстати), говорила мне в детстве, что есть плохой человек Солженицын, который все врет про Советский Союз. Надо ли к этому очень красноречивому примеру писать комментарий?.. Да, у граждан тоталитарных государств работают мощные психологические защиты. Чем опаснее и трагичнее режим, тем мощнее защиты. А бабушка жила при Сталине и уроки сталинизма усвоила.

Или:

— На самом деле все эти люди были уголовники. Они ввали, что отсидели по политической статье. Когда я получила архивную справку про того прадеда, который был инженером-вредителем, что сказала мне тетя? Та самая девочка, которую он, вернувшись тяжелобольным, носил на руках? Она сказала: «Но это

— Если один народ пострадал от другого народа, это тяжело, болезненно, страшно. Но такую память все народы обычно хранят свято.

Но что, если народ пострадал от рук представителей собственного народа?.. Свои — от своих. Вина своих перед своими. А нука признайте это. Это не только вина. Это и нарциссическая травма. Приходится признать собственное несовершенство, «не-идеальность» собственного народа. В это не хочется верить. Пока мы верим, что собственная страна и народ не способны на зло и жестокость, мы можем чувствовать себя защищенными, надеясь, что, если придется, своя хорошая страна защитит от другой плохой страны. Люди не хотят крушения этой веры.

— Среди нас живут и потомки репрессированных, и потомки сотрудников НКВД. Кстати, и те, и другие травмированы. После того, как они посмотрят в глаза своим предкам-привидениям, остается следующий шаг — посмотреть в глаза друг другу. Ситуация тем более сложна, что часто в роду одного и того же человека есть и сотрудник НКВД, и репрессированный. А иногда и сам сотрудник НКВД впоследствии был репрессирован.

— Наши предки переживали конфликт между лояльностью своей стране и лояльностью члену своей семьи. Они не знали, кого винить. Поэтому члены семей репрессированных невольно могли не верить родным, боясь потерять веру в хорошую страну.

— Если вы многого не смогли узнать в семье, то можете начать искать информацию о репрессированных предках, а это хлопотно, это требует упорства. Запаситесь терпением!

— Это не только требует терпения, это психологически очень тяжело. Сами по себе уголовные дела репрессированных тяжелы для чтения. К тому же многих людей ждет еще одно испытание (возможно, неожиданное): вы можете узнать, как оговорили вашего родственника, оговорили ли кого-то на допросе он сам.

— А еще наши люди с советских времен привыкли бояться. Станет ли вам страшно, если надо будет сходить в архив ФСБ? Возможно, станет. И в годы моего детства, и даже в период демократизации люди не были уверены, что им ничего не будет за то, что они открыто интересуются репрессированными родственниками. Да и сейчас не уверены.

Как это было с людьми, которые жили при Сталине

Люди, жившие при Сталине, бывали запутаны, напуганы и защищались от невыносимой и опасной правды.

— Они часто не знали, правду ли говорит член их семьи, прав он или виноват. Уже упомянутый прадед, инженер-вредитель. Он вернулся домой, он рассказывал, как все было. Семья не знала, верить или не верить. Мне это передавали так: «Никто ничего тогда не понял. На работе устроили собрание, сказали, что на строительстве канала требуются инженеры». На самом деле его в тот день арестовали. Потом судили. Кто кому в семье говорил неправду? Кто придумал про собрание на работе? Детям так говорили, чтобы они не знали про врага народа в семье? Или сам прадед сказал неправду? Тетя сказала: «Но ведь было же какое-то собрание!» Никакого собрания не было. Да, его арестовали почти что на работе: на вокзале в Минеральных Водах (он работал на железной дороге).

— Информация часто считается позорной. На самом деле все было скрыто за солидными формулировками. Например, не говорили, что человека посадили за то, что он болтал лишнее. Если вы получите архивную

справку, то, возможно, прочитаете, что ваш родственник обвинялся в систематическом проведении контрреволюционной агитации, направленной на подрыв мощи советского государства. Звучит серьезно; люди верят, что внутри страны есть враги родины и народа, которые им активно вредят. Именно за «контрреволюционную агитацию» арестовали моего деда, когда он находился на фронте.

Конечно, с войны человек мог не вернуться. О погибшем на войне семья помнила. Но были деды-прадеды, которые не вернулись с войны, потому что сгинули не на поле боя, а в ГУЛАГе или на расстрельном полигоне. Часто такой человек для семьи исчезал. Не только забиралось доброе имя. Вообще пусто образовывалась на месте человека. Чем она прикрывалась? Иногда молчанием, как будто такого человека не было. Часто ложью: «погиб на войне», «пропал без вести» или недосказанностью: «рано умер».

С войны человек мог вернуться инвалидом и в любом случае психологически травмированным. Человек, который был покалечен в лагере, практически любой бывший репрессированный тоже психологически травмирован, — но он жил среди нас и молчал. Молчал каждый человек, имевший за плечами не ту историю, которая написана в учебниках.

Иногда бывает, что узнаешь все больше, но по-прежнему непонятно

Когда я попыталась навести справки о бабушкиных двоюродных братьях-немцах, сначала все, казалось, шло гладко. Четверых из них я нашла в базе данных «Мемориала» (троих судимых и ранее упомянутого трудармейца Вильгельма). Потом получила три архивные справки. Но дальше все оказалось запутанным.

Я знала, что «одного брата расстреляли под Машуком». И нашла: Виктор. Его осудили «за подготовку диверсии» на железной дороге. Когда получила архивную справку, прочитала, что ему заменили расстрел на десять лет лагерей. Так что же там было? Это тот самый брат? Но семья-то помнит, что расстреляли. Они не знали, что ему приговор меняли? Или был какой-то другой брат, которого расстреляли и которого я еще не нашла? Или Виктора все-таки расстреляли?

Двух исчезнувших братьев Вильгельма звали Арнольд и Сигизмунд. Я нашла Сигизмунда. В 1938 году его приговорили к 10 годам лагерей за «пропаганду фашизма». Уже мысленно сказала: «Здравствуй, Вильгельм! Я нашла твоего брата». Нашла — и не нашла. Потому что его след снова потерялся. В архивной справке написано, что через год приговор был отменен и Сигизмунд отпущен. Вопрос: почему его больше не видели? Почему Вильгельм его не нашел и ничего о нем не смог узнать? А может, тогда он вернулся домой, а потом пропал вместе с братом?

Наши предки, скрывая информацию, берегли самих себя в том окружении, где они жили. И, конечно же, своих детей. Вот такая, например, история:

У дяди Коли был препротивный характер. Так считали у нас в семье. Обидчивый, завистливый, язвительный. Дядя Коля был одноклассником моего отца. Папа как-то сказал: «А с чего бы у него был хороший характер?» И рассказал вот что. Когда они были пионерами, то директор, как встретит Колю в школьном коридоре, так начинает кричать, что Колин брат — контра. Он срывает с Коли красный галстук, бросал его на пол и, говоря, даже топтал в ярости (в этом я не уверена; за такое обращение с пионерским галстуком его самого могли посадить). Конечно,

среди детей было много родственников репрессированных. Просто Коле как-то не повезло. А Коля был советский мальчик и пионер. Он подбирал галстук, приносил домой, стирал, гладил, надевал снова. И вот ходит по школе в галстук, пока снова директора не встретит. Мальчик Коля вырос, окончил институт иностранных языков, много лет мечтал эмигрировать. И эмигрировал, кажется, когда ему было уже за шестьдесят. А директор... Да не судите его слишком строго. Ему показали, кто враг родной страны, вот он и ненавидел этого врага. Всей душой ненавидел, потому что патриот.

Мама с обидой вспоминала: после того как они переехали в другой регион и отчим удочерил ее тайком в другом населенном пункте, мать запрешала ей говорить кому-либо, что у нее была другая фамилия и что отец не родной. Бабушка была, вероятно, очень напугана. Говорят, она пыталась узнать о муже и получила ответ: «Не пишите».

Информацию могли игнорировать как что-то «незначительное», преуменьшать серьезность произошедшего. Говорят про кого-нибудь: «Ну его же всего на пять лет посадили. И он еще два (!) месяца прожил после того, как вышел». Или: «Ну и правильно». Раз посадили, значит, за дело. Или пострадавший от репрессий обесценивается. Если однажды сообщат, что вы — враг своего народа, который этот народ ненавидит, давно знакомые люди действительно могут начать вас видеть по-другому. Они вдруг от-

кроют для себя, «кто вы на самом деле», что вы действительно ненавидите родину.

Наши родственники уничтожали улики в годы репрессий. Современные люди продолжают уничтожать улики и память

Люди, события, детали произошедшего вычеркивались из памяти. В детстве мне говорили: бабушка уничтожила все фотографии «пропавшего без вести на войне» деда, потому что выходила замуж и начинала новую жизнь. Когда я узнала, что деда на самом деле осудили по политической статье, то думала, что бабушка его предала. Теперь считаю: бабушка, может, как это ни горько, сделала лучшее, что могла, когда «затерялась» и уничтожила фотографии. Жен «врагов народа» вскоре часто тоже сажали.

Между прочим, фотографии из нашего семейного альбома время от времени продолжали исчезать. Наши родственники продолжали уничтожать улики через много лет после смерти Сталина. Я помню целых две фотографии группы офицеров в фотоателье. Среди них был мой прадед — офицер царской армии, происходивший из крестьян. Хорошее фото; мой гордый прадед-белогвардеец.

Жена этого прадеда, прабабушка Ирина, оставалась одна с деть-

ми; вместе они пережили раскулачивание. Ее фотография у нас в альбоме тоже была: крестьянка в платке. Но тоже исчезла! Позже появляется семейный миф о прабабушке с прадедушкой вдвоем в советское время, после раскулачивания. Будто бы на фотографии сидят вдвоем на лавочке. И прадед «в шапке-ушанке, такой простой, где весь его офицерский лоск!». И еще: «Помнишь, как ты спросила: «Почему он в ушанке?». На самом же деле такой фотографии никогда не было и не могло быть.

Я давно не была на могиле прабабушки-немки Кати. А когда пришла, обнаружила, что на памятнике написано: «Семенова». Фамилия прабабушки была Бернгардт; так и было написано, когда я знала эту могилу в детстве. Кто заказывал прабабушке новый памятник с русской фамилией ее мужа? Никто не признается.

Мой собственный опыт игнорирования правды

И в последнее время я поняла и должна признать, что есть много правды, которую игнорировала я сама. Потому что, как все люди, я не всю правду в жизни люблю.

Например, раскулачивание — та репрессия, про которую в советское время люди все-таки много говорили. Тут была лазейка, потому что признавались «отдельные перегибы». Можно было говорить: «Мы — тот самый случай, когда не кулацкую семью раскулачили по ошибке».

И бабушка часто вспоминала раскулачивание. Но что происходило? Вроде я была жалостливым ребенком. Но что я чувствовала? К сожалению, скуку. Сколько можно про это слушать? Надоело. Зато я, как советский человек, умела правильно рассуждать.

В восьмом классе нам задали на дом сочинение про памятник Ленину в нашем родном городе, вот я села и пишу: «В нашем городе к Ленину ведет много ступеней. Ленин стоит над городом и всегда нас всех видит». Мне понравилось, как я хорошо придумала, но этого было мало. Тогда я продолжила: «Ленин дал детям счастье детство. Моя бабушка закончила только четыре класса, потом ей пришлось работать. В двенадцать лет она уже была няней в чужом доме. Наши советские дети учатся в школе и не работают». При этом бабушка была 1914 года рождения. Понятно, при какой власти она училась в школе, а потом перестала учиться, потому что семью раскулачили. И семья сбегала и пряталась. И бабушкины братья ночью пробирались в подвал собственного дома и воровали продукты.

А я была неглупым ребенком. Я любила историю и обычно получала по ней пятерки. Я знала год рождения бабушки. Я умела считать. И при этом верила, что бабушка не получила ни образования, ни возможности нормально вырасти в семье... из-за царской власти. И я искренне верила, что Ленин спас меня от участи моей бабушки, поэтому я расту себе беззаботно и учусь в школе.

Чем все это оборачивается сейчас для нас

«Дырами» в идентичности. Потому что у нас дыры в истории семьи. А история родной семьи — это значимая часть идентичности: откуда я взялась, от кого происхожу, — часть ответа на вопрос, кто я. Из-за репрессий у нас образовались дыры в понимании того, как мы стали такими, какие есть, что нам было передано, когда мы росли в наших семьях. В семейной истории недостает рассказа об отдельных периодах, а отдельные люди исчезли неизвестно куда. Эти дыры можно долго не замечать и не догадываться спросить родственников. В результате иногда оказывается, что когда у тебя наконец возникает вопрос,

ПОЧЕМУ ПРИВИДЕНИЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

➤ Окончание. Начало на с. 8-9

то способных на него ответить уже нет в живых. Почему мы не догадывались спросить? Потому что для нас самих эта тема была травматичной.

Нарушенными отношениями в семьях. Прежде всего, между нами стояла ложь. С одной стороны, ложь была защитной. С другой стороны, она мешала понимать родственников и сочувствовать им. Много лжи. Например: прадед, которого «на собрании» решили отправить работать на канал, потому что там «требуется инженеры». Дом в центре Пятигорска, который «продали». Не продали, а отняли два дома: в Минводах и Пятигорске. И еще раньше у родителей прабабушки отняли магазин женской одежды.

Кстати, оценить другого своего деда, который прошел всю войну от начала до конца, интересно только им, узнавать о нем я смогла только, когда узнала про деда, которого посадили. И дело не только в том, что он, как многие ветераны, не любил говорить о войне. А еще и в том, что мама (отца которой арестовали на фронте) всегда говорила: «Твой дед — не настоящий ветеран. Он в штабе всю войну просидел». Я так всегда и думала. Когда дед давно уже умер, оказалось, что воевал и что воспоминания у него были. Тетя рассказывала мне, как шофера отправляли, чтобы он ехал по полю, и

ющих «неправильные» мнения. В виде желания твердой руки. А наша склонность верить в хорошие и плохие страны и народы помогает избежать тревоги: творить несправедливость может кто угодно, но не мы. А значит, все, что может с нами происходить, — хорошо. Потому что трудно признать, что в собственном народе, как и в других, есть способность к добру и злу. Но если мы способны назвать сталинизм злом, мы тем самым не называем свой народ плохим. Просто мы можем быть бдительными, понимая, что разбудить в народе зло — это реально.

Так что, если нам даже прямо не говорили о репрессиях, память о них в нас жила и продолжает жить. Более того. Мы намного меньше контролируем то, что же эта память с нами делает, если отказываемся про это думать, понимать, знать.

И снова правда, которую нас учили не видеть

В годы моего брежневского детства существовала некоторая иллюзорная однородность советского общества. В последние годы для меня стала большим открытием его неоднородность, которая была скрыта за той историей, которую мы учили в школе, за ее выборочной подачей материала. Среди нас живут потомки узников ГУЛАГа и чекистов. Раскулаченных и тех, кто раскулачивал. Белых и красных. Большевиков и других революционеров (меньшевиков, эсеров,

Часто такой человек для семьи исчезал. Не только забиралось доброе имя. Вообще пустота образовывалась на месте человека. Чем она прикрывалась? Иногда молчанием, как будто такого человека не было. Часто ложью: «погиб на войне», «пропал без вести» или недосказанностью: «рано умер».

смотрели: откуда немцы начнут стрелять, там они, значит, и есть. Я это услышала и снова не поверила, что мой дед так ездил. Я же думала, что дед никогда не воевал по-настоящему, хитрый был, берег себя. Прошли годы, мы как-то с тетей разговаривали, снова вспомнили об этом. Я спрашиваю: «Дед ведь сам так не ездил?» А тетя удивилась и говорит: «Конечно, он и ездил. Он ведь был шофером». К сожалению, родная репрессированного деда повлияла на мое отношение к деду-ветерану, пока он был жив, и потом надолго — на мою память о нем, когда его уже не было. (Прости, дед. Я была к тебе несправедлива.)

Повторение травмы в жизни современных людей

Незавершенность ситуаций, непроработанность травм сказываются на жизни потомков репрессированных и их семей. Вот про такие ощущения в связи с незавершенной ситуацией, не отомщенной семьей, и писали истории с привидениями.

Как уже говорилось, ложь и семейные тайны создают дистанцию между членами семьи. Я предполагаю, что история пережитых репрессий может сделать более вероятным семейное насилие (когда воспроизводится ситуация, в которой есть те, кто карает, и те, кого нужно покарать). В таком виде живет память о том, что забыто. Память, которая не проговаривается, будет вновь и вновь проживаться. Потому что она стремится осознаться и проговориться, прозвучать.

Такой риск существует и на уровне общества. В виде готовности разыграть репрессии не только в семьях, но и в стране. В виде готовности ненавидеть людей, име-

анархистов). Рабочих и «буржуев». События последнего времени стали драматично это обнажать. Можно предположить, что, если бы истории разных слоев общества и их беды не замалчивались, сейчас мы были бы во многом другими людьми и наблюдали бы большее единство (хотя и не абсолютное, конечно) общества. Подлинное единство, а не единство советского типа, основанное на умалчиваниях и лжи, на неприязни к тем, кто говорит неудобную правду.

Что с этой неопределенностью делать? Люди зачастую не отдают себе в ней отчета. Люди приходят к психологам и не знают историю своей семьи. В повседневной жизни я стала иногда упоминать тему сталинских репрессий в разговорах со старыми друзьями и знакомыми и неожиданно узнавать, кто из давно знакомых людей потомок репрессированных. Для людей само по себе то, что об этом можно сказать, — сюрприз. И часто их реакция — благодарность.

Об истории советских репрессий важно говорить и писать. Чтобы сформировать язык для такого разговора. Чтобы люди усвоили этот язык и в конце концов смогли выразить и осмыслить невыносимый опыт. Пока опыт не осмыслен, он продолжает существовать на бессознательном уровне, во многом властвуя над нами и определяя нашу жизнь.

Татьяна ЛИТВИНОВА

На снимках: Татьяна Литвинова. Прадед автора — Александр Гаврилович Семенов: «Этого человека в семье любили, помнили, фотографии берегли»: 1930 г., в форме железнодорожника. 1931 г., прадед — слева.

Фото из личного архива Татьяны Литвиновой

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ЗЕРКАЛО

22 апреля Московский Центр Карнеги провел онлайн круглый стол «Мобилизованная память: история как оружие», транслировавшийся в прямом эфире на Youtube. Российская власть использует историческую политику как едва ли не главный инструмент для политической мобилизации населения и поддержания рейтингов. Битва на полях памяти становится все более агрессивной и ожесточенной.

Поводом для дискуссии стала статья Андрея Колесникова «История под ружьем: несекретная война Кремля», в которой автор анализирует историческую политику российской власти: каковы основные элементы исторической политики, пропаганды и мифологии и как эта политика соотносится с реальностью.

Фактически все выступавшие разделились на оптимистов и пессимистов. Андрей Колесников отметил, что у власти для мобилизации населения в свою поддержку не осталось ничего, «кроме истории». «75-летие Победы представляет собой фактический клей нации», — отметил он, подчеркнув, что, помимо истории войны, мифологизации подвергаются также сталинские репрессии и история России в 1990-е.

Появляются и новые формы этой политики — «война архивов» («Министерство обороны публикует документы о Варшавском восстании [1944 года] для того, чтобы показать, какое оно было неподготовленное»), снос памятников (имелось в виду тогда только готовившееся удаление мемориальных досок в память о советских и польских гражданах — жертвах НКВД в Твери) и «конкуренция жертв» в Сандормохе.

Колесников специально обратил внимание на поддержку властями ревизионистов, выступающих против общепринятой трактовки этого дела в пользу советской пропагандистской версии: «Возвращаются и советские клише о Катыни. Сначала изгоняется знание о том, что произошло на самом деле (а большая часть людей и так не очень помнит, что произошло в Катыни), а затем внедряется новая (она же старая) государственная версия». Позже Андрей Колесников призвал обратить внимание на появление ряда региональных нарративов, привносящих к конфликтам с другими регионами, вроде калужского празднования «Стояния на Угре», которое недавно пытались сделать общенациональным праздником, что вызвало возмущение в Татарстане.

Историк, журналист, член Комитета гражданских инициатив Николай Сванидзе выступил в более пессимистическом ключе. Он отметил значительные масштабы государственной пропаганды, рисующей Россию прошлого как

«страну счастливых героев», и то, что власти не доверяют озвучивать свои тезисы профессиональным историкам, что говорит об их недоверии к ним. «Нам предстоит очень большая борьба за то, чтобы профессиональным историкам было позволено изложить свои позиции и работать с массовой аудиторией», — заключил он.

Историк Леонид Млечин заметил, что в приукрашивании истории заинтересовано и само население страны. «Все в прошлом должно быть прекрасно — это важно для общества в целом: ведь будет неприятно узнать, что твой дедушка (или, что сейчас уже более актуально, прадедушка) делал что-то, что тебе бы не понравилось. Значительная часть аудитории желает видеть себя в зеркале истории красиво, без струпьев и угрей. Если изображение в этом зеркале не понравится — принесем другое», — сказал он. Однако с подобной проблемой сталкиваются далеко не только постсоветские страны, но и, к примеру, Япония, так и не прошедшая процесс переосмысления своих военных преступлений. Млечин высказал мнение, что, к сожалению, у большинства молодых людей «в голове сидят самые примитивные представления о прошлом».

И Леонид Млечин, и Андрей Колесников говорили и о новом культе Сталина. Млечин рассказал о встрече с молодыми людьми, полагающими, что при Сталине «коронавирус не перешел бы границы России». А Колесников напомнил, что, согласно социологическим опросам, Сталин уже много лет входит в топ самых выдающихся россиян, деля там первые места с Лениным, Путиным, Пушкиным и Петром I. «Что должно произойти, чтобы сменился этот пантеон героев?» — задался он вопросом.

Александр Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН, охарактеризовал нынешнюю историческую политику властей как политику нарциссизма. «С нарциссом бесполезно разговаривать с помощью аргументов — он заикнется на своем грандиозном «Я», — отметил он.

Наиболее ярким оптимистическим выступлением стала речь Никиты Соколова, историка, заместителя исполнительного директора Президентского фонда Б.Н.Ельцина, который подчеркнул, что на поле исторической памяти действует несколько игроков и даже государственная власть не является в этом смысле монолитной. «У федеральной, региональной и местной власти разные интересы, и они не всегда совпадают, когда федеральная власть

хочет кого-то увековечить, но не может из-за сопротивления местных властей», — отметил он. В качестве примера в комментарии для «30 октября» Никита Соколов рассказал историю с памятником адмиралу Колчаку в Иркутске, который, по его словам, местные власти сносят при том, что на общероссийском уровне как раз ведется линия на героизацию Колчака.

Еще одним заметным игроком, по мнению Никиты Соколова, является гражданское общество, проявляющее все больше интереса к истории. «Об этом говорит и успех Ельцин-центра в Екатеринбурге, который пытается держать научное поле и пользуется значительным спросом со стороны населения. Ровно то же и с конкурсом школьных работ «Мемориала» — уже четыре года на него организуются прямые атаки со стороны представителей федеральной власти, а количество работ не сокращается. И приходят они из самых «медвежьих углов». Значит, эта история пользуется колоссальным спросом», — отметил он, подчеркнув, что именно гражданское общество отбило попытки насаждения прославлявшего Сталина учебника Филиппова в 2007 году и введения единого учебника по истории в 2013 году. «Общество учится отбиваться, и я смотрю на это с большим оптимизмом», — заключил Соколов.

Позже, отвечая на вопрос Андрея Колесникова о возможности смены пантеона героев, где обязательно присутствует Сталин, Никита Соколов отметил, что «разговоры о прошлом — это разговоры о будущем, споры о героях прошлого — это споры о моделях будущего». «Как только мы договоримся об основах бытия в настоящем, многие исторические проблемы тут же уйдут на второй план», — считает он.

Историк, профессор факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге Иван Курилла поддержал Соколова, заметив, что недоверие к историкам, о котором говорил Николай Сванидзе, — это признак слабости государства. Отметив, что государство пытается проводить все большую «сталинизацию» нарративов, Иван Курилла полагает, что в сфере исторической памяти еще «предстоит большая битва».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Участники «круглого стола»
Николай Сванидзе, Леонид Млечин,
Андрей Колесников

ВОСПРИЯТИЕ ТЕМЫ ГУЛАГА В ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ

На YouTube-канале «Международного Мемориала» в марте 2020 года появилась лекция профессора Флорентийского университета, доцента по русской литературе Клаудии Пьералли, посвященная восприятию темы ГУЛАГа в Италии и Франции во второй половине XX века.

11 марта в помещении «Международного Мемориала» должна была состояться лекция профессора Флорентийского университета, доцента по русской литературе Клаудии Пьералли «Восприятие темы ГУЛАГа в Италии и Франции. Нарративы, свидетельства, культурные репрезентации» в рамках цикла «Поверх барьеров — Европа без границ», организованного при поддержке Представительства ЕС в России. Однако из-за ограничительных мероприятий, введенных из-за эпидемии коронавируса, лекция была перенесена в онлайн.

В предисловии к лекции Клаудия Пьералли отметила, что лекция основана на результатах научного проекта «Отражение ГУЛАГа в франко-итальянской культуре» под руководством Клаудии Пьералли и Любы Юргенсон (Университет Сорбонны, Франция), первым, но, как надеется сама исследовательница, не по-

следним результатом которого стала книга «Lo specchio del Gulag in Francia e in Italia. 1917-1987», вышедшая в издательстве Университета Пизы в 2019 году. «Наш проект, основываясь на истории культуры и литературы, показывает, что это явление означало для всей Европы и что мы можем — если можем — выучить», — подчеркнула она.

В своем выступлении Клаудия Пьералли вначале обратилась к вопросам терминологии. Она отметила, что 1987 год неслучайно был выбран в качестве замыкающей даты, поскольку на него приходится прекращение последних серьезных политических репрессий (именно тогда в Москву из ссылки был возвращен академик Сахаров), отметив, впрочем, что есть и альтернативная версия, отраженная в законе «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которой период репрессий нужно продлить до 1991

года. Также она заметила, что при различных написаниях под термином «ГУЛАГ» могут пониматься как конкретное учреждение — Главное управление лагерей, существовавшее в 1930–1950-х (в этом случае пишут «ГУЛаг»), так и общая репрессивная система.

Коснувшись восприятия репрессий в Европе, Пьералли подчеркнула, что многие воспринимали это как нечто далекое и внеевропейское. «Они говорили, что это происходит за «железным занавесом», где-то в Евразии, где-то далеко, отодвигая это едва ли не в экзотические места. «Но ведь речь шла о явлении, имеющем европейские корни, да и Россия — не чужая нам страна», — отметила она, заявив, что подобной изоляции во многом способствовали культурные клише об уникальности России, мистическом измерении ее пространств и так далее. Была и противоположная тенденция, рассматривавшая советские репрессии как прямое продолжение репрессий царской России, что, по мнению Клаудии Пьералли, также не совсем верно, поскольку речь шла об абсолютно новом явлении, куда более масштабном и систематичном.

То, что для исследования в рамках проекта были выбраны Франция и Италия, Пьералли объяснила несколькими причинами: в обеих странах были многочисленные свидетельства о ГУЛАГе (в том числе от эмигрантов и вернувшихся на родину репрессированных в СССР иностранцев), именно в Италии и Франции в послевоенный период существовали самые влиятельные в Западной Европе коммунистические партии и многочисленные левый и лево-либеральный интеллигентский слой, что обеспечивало бурные дебаты по теме советских репрессий. Она привела любопытный эпизод отголосков этих дебатов: когда в середине 1990-х в очень престижном

итальянском издательстве Einaudi должно было выйти собрание сочинений Варлама Шаламова, предисловие к нему предложили написать старому польскому эмигранту Густаву Герлинг-Грудзинскому¹, который успел побывать и в нацистских лагерях, и в ГУЛАГе. «Грудзинский написал прекрасное предисловие, в котором говорил о том, что рядом со всем известным нацистским режимом был другой, сталинский, проводивший массовые репрессии в определенные моменты. Издательство просто отказалось это печатать, и Грудзинский издал свое введение отдельным текстом в Неаполе в 1998 году», — подчеркнула Клаудия Пьералли.

Источниками для исследования были в первую очередь так называемые эго-документы: письма, дневники, мемуары, затем итальянские и французские СМИ и их архивы, — благодаря которым становилось понятно, как принималось решение о публикации (или не публикации) тех или иных статей и документально-художественной прозы (в том числе переводов Варлама Шаламова). Клаудия Пьералли отметила, что из-за отсутствия каких-либо документов именно эта литература (которую начали переводить в Италии в 1970-е) приобрела большую убедительную силу.

Эго-документы представлены в первом разделе книги, построенной по хронологическому принципу. Второй раздел посвящен реакции французских и итальянских СМИ различной направленности на известия о репрессиях в СССР. Третий раздел посвящен судебным процессам, на которых доказывалась реальность репрессий. Для Франции таким делом стал процесс Виктора Кравченко, проходивший в 1949 году². «В послевоенное время во Франции публика была занята другими вопросами, открытиями и страшными знаниями о прои-

зошедшем. Но дело Кравченко ставило вопросы. Нельзя сказать, что французы об этом совсем ничего не знали — выходили даже книги, но одно дело публикации, а другое — судебный процесс. Это вывело вопрос о репрессиях на более официальный уровень и дало старт дискуссиям», — подчеркнула исследовательница.

Последний раздел книги «После Сталина» посвящен дискуссиям, вспыхнувшим в 1950–1960-е. В Италии это произошло в 1957 году, когда там случился аналог «дела Кравченко» — был издан роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», положивший начало дискуссии о репрессиях уже в Италии. «Это ставило вопрос о том, насколько соотносятся образ революционера и лагеря, преследования, репрессии, травля», — отметила Клаудия Пьералли.

Исследовательница подчеркнула, что для европейских интеллектуалов подобные дискуссии о советских репрессиях ставили под удар сложившийся в XVIII–XIX веках архетип революционера как «просвещенного освободителя». «Это делало тему еще более проблемной и недоступной для глубокого анализа», — заявила Пьералли, отметив, что для понимания темы нужен многоуровневый и междисциплинарный анализ.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Густав Герлинг-Грудзинский (1919–2000) — узник сталинских лагерей как член подпольной польской организации (в 1940–1942 годах), написал об этом книгу «Иной мир» (на русском языке вышла в 1989 году), освобожден как польский гражданин, вступил в армию Андерса, выехал из СССР, воевал в Италии. После Второй мировой войны — политический эмигрант, одна из крупных фигур польской литературной эмиграции. С 1955 года жил в Италии. Почетный доктор Университета имени Адама Мицкевича в Познани (1991 год) и Ягеллонского университета (2000 год).

2. Виктор Кравченко (1905–1966) — советский чиновник, ставший невольником в 1943 году и оставшийся в США. Написал книгу «Я выбрал свободу», в которой содержалось описание коллективизации и голода в СССР. После публикации книги во Франции был обвинен во лжи прокоммунистической газетой «Les Lettres françaises», подал на нее иск о клевете. Процесс, проходивший в Париже, окончился убедительной победой Кравченко благодаря показаниям многочисленных беженцев из СССР, и нанес существенный ущерб советской пропаганде.

На снимке: Клаудия Пьералли.
Скриншот видеозаписи лекции

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ПРЕДМЕТЫ С ИСТОРИЕЙ

«Международный Мемориал» и Фонд имени Фридриха Эберта подготовили выставку фотографий предметов из концлагерей. На апрель — начало мая приходится 75-летие освобождения войсками антигитлеровской коалиции в 1945 году основных нацистских концлагерей, располагавшихся на территории Германии и Австрии: Бухенвальда (11 апреля), Берген-Бельзена (15 апреля), Заксенхаузена (22 апреля), Дахау (29 апреля), Равенсбрюка (30 апреля), Маутхаузена (5 мая), Штутгофа (9 мая).

По ее словам, Германии потребовались долгие годы мучительной рефлексии для того, чтобы ее общество научилось «не просто ужасаться чудовищной статистике, но вслушиваться в то, что хотели и, возможно, уже не могли, рассказать, жертвы — и те, кто погиб, и те, кто выжил». Она специально подчеркивает, что для «Мемориала» судьбы узников концлагерей важны еще и потому, что освобождение в условиях сталинской системы несло им новые тяготы в фильтрационных лагерях с унижительными проверками, «которые для некоторых заканчивались ГУЛАГом или принудительным трудом на родине, а потом на долгие годы — клеймом в анкете и пятном в биографии». Говоря о представленных на выставке фотографиях, Ирина Щербакова отмечает, что за каждой фотографией «прячется уникальная судьба».

За ее выступлением следует четырнадцать коротких видеосюжетов, в каждом из которых кто-то из сотрудников «Мемориала» рассказывает о том или ином предмете, чья фотография представлена на выставке. Несколько предметов связано с бытом узников. Мы слышим о личной кружке, в которую можно было по-

пробовать набрать дополнительную порцию супа, о терке, на которой заключенные, собранные без еды во временном лагере под открытым небом в Беловежском лесу, растирали древесину на съедобные опилки. Значительная часть предметов с выставки связана со смертью или уничтожением. Прежде всего это банка с преловутым газом «Циклон-Б», использовавшимся для массового умерщвления людей (с рассказом о том, как немецкие лагерные администраторы преодолевали главную проблему с этим газом: он начинал «эффективно работать» только при температуре 25–26 градусов тепла, в результате чего жертвы умирали долго и мучительно). К этой же категории можно отнести найденную в Равенсбрюке помаду (как уточняет рассказчик, узницы использовали ее для того, чтобы придать себе более «цветущий вид» и не попасть в список на уничтожение на очередной «селекции»), платье девочки, родившейся в Равенсбрюке, но не прожившей и месяца, и плюшевого медвежонка, принадлежавшего мальчику-цыгану, которого «просто так» убил ударом приклада лагерный охранник. Специальный сюжет посвящен предмету, символизирующему ту машину насилия, которая обрушивалась на заключенных. Это дверная ручка здания Инспекции концентрационных лагерей, курировавшей все концлагеря Германии.

Некоторый налет авантюризма придадут выставке еще два экспоната. Прежде всего это башмак, в котором одна из заключенных пронесла в лагерь антифашистскую литературу. Наиболее веселый, если так можно выразиться, для такой выставки сюжет связан с фальшивой

почтовой маркой, пародировавшей британскую марку 1935 года, выпущенную к 25-летию юбилею правления Георга V. На марке изображен Сталин в виде карикатурного еврея и написано: «Эта война — еврейская война». Марка была создана спецкомандой из евреев-узников Заксенхаузена, печатавших фальшивые фунты стерлингов по заказу нацистов, которые надеялись подорвать экономику Великобритании. Напечатанная на подлинной бумаге для печатания английских марок, захваченной нацистами в Бельгии, она должна была вызвать у англичан прилив антисемитизма.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Экспонаты выставки.
Фото Михаила Кончица

Представленные на выставке фотографии предметов из музеев Заксенхаузена и Равенсбрюка были сделаны австралийским фотографом Ричардом Визелем и немецким историком Робертом Зоммером. В 2018 году Визелем был предоставлен эксклюзивный доступ к закрытым архивам музеев Заксенхаузена и Равенсбрюка, где он получил возможность сфотографировать предметы, которые никогда не показывались публично. Он был так потрясен, что захотел рассказать о хранящихся там предметах, многие из которых были получены с помощью так называемой лагерной археологии. Исследования Роберта Зоммера помогли узнать истории предметов и судьбы их владельцев — бывших узников нацистских

концлагерей. Однако из-за ограничений, введенных с началом эпидемии коронавируса, выставка «Это личное. Предметы из концлагерей» превратилась в виртуальную.

Видеоэкскурсия, размещенная на канале «Международного Мемориала» на YouTube, начинается с обращения руководителя образовательных программ «Мемориала» Ирины Щербаковой. Она подчеркивает, что, хотя освобожденные концлагеря не были лагерями уничтожения, в последние месяцы войны там погибли от голода и болезней десятки тысяч людей. «Освободившие их солдаты увидели страшные картины того, что творилось совсем рядом с местами, где люди жили обычной жизнью», — отмечает Щербакова.

АПРЕЛЬСКИЕ И МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1920. 28 апреля

В Азербайджане (Азербайджанская демократическая республика, июль 1918 г. — 1 мая 1920 г.) местные коммунисты подняли восстание. «По просьбе» восставших им на помощь пришли Красная армия и Каспийская флотилия. Правительство независимой Азербайджанской республики бежало, и в Азербайджане была провозглашена советская власть. Как пишет А.Б.Широкопад в книге «Великая речная война. 1918–1920 годы», вторжение советских войск в Азербайджан производилось по стандартному большевистскому сценарию: местный ревком поднимает настоящее или «виртуальное» восстание рабочих и затем обращается за помощью к Красной армии. По этой схеме действовали свыше 40 лет: вторжение в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакию и т.д. После установления Советской власти в Баку начались преследования «классовых врагов».

1925. 10 апреля

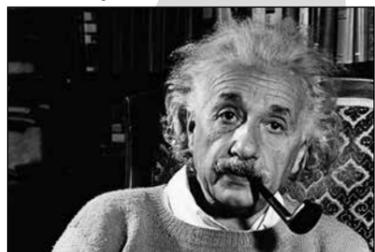
Город Царицын был переименован в Сталинград. Во время Гражданской войны Сталин был одним из руководителей обороны города от наступающих на него частей атамана Петра Краснова. Дважды из-за своих действий, мешавших военным специалистам, Сталин был отозван в Москву. В 1961 г. в рамках борьбы с культом личности город переименовали в Волгоград. В последнее время в России возникают идеи по возвращению городу имени Сталина.

1930. 7 апреля

СНК СССР принял постановление о создании Управления лагерей ОГПУ (в 1931 г. оно получило название ГУЛАГ). Была создана единая централизованная система исправительно-трудовых учреждений. Точное число людей, прошедших через ГУЛАГ, неизвестно. Закрыт ГУЛАГ был приказом МВД № 020 от 25 января 1960 г.

1935. 30 апреля

В Москве родился Анатолий Александрович Якобсон. Педагог, литературовед, поэт-переводчик, автор Самиздата, публицист, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, редактор «Хроники текущих событий» (1970–1972 гг.). Принужден к эмиграции в 1973 г., покончил с собой в Иерусалиме в 1978 г.

1955. 18 апреля

В Принстоне (США) умер великий ученый, лауреат Нобелевской премии по физике, гуманист и правозащитник (активист основанной в 1922 г. Международной лиги по правам человека) Альберт Эйнштейн. После Первой мировой войны Эйнштейн подписал манифест профессоров-пацифистов о прекращении военных действий. После прихода нацистов к власти в Германии физик был вынужден покинуть родную страну. Эйнштейн вместе с другими учеными в 1945 г. обращался к правительству США с просьбой не применять атомное оружие против Японии. После окончания Второй мировой войны Эйнштейн выступал за запрет атомного оружия и прекращение холодной войны.

1960. Апрель

В Москве Александр Гинзбург выпустил третий (и последний) номер самиздатского журнала «Синтаксис». В сборник вошли стихи 10 молодых ленинградских поэтов, не имевших возможности издаваться. Среди них дебютировал будущий Нобелевский лауреат Иосиф Бродский. В июле 1960 г. Гинзбург был арестован. После попыток КГБ сформулировать политическое обвинение Гинзбург был осужден по статье уголовного кодекса («подделка документов»). Приговор — максимальный по данной статье: 2 года лишения свободы.

1965. 14 апреля

В Москве состоялась самая известная акция группы СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев). В годовщину гибели Маяковского члены группы собрались на площади Маяковского, прочли возле памятника поэту стихи и декларации, затем прошли по Садовому кольцу до здания Союза писателей, чтобы вручить его руководству требование о создании независимого литературного журнала. Манифестанты несли плакаты, один из которых гласил: «Лишим соцреализм девственности». Милиция задержала демонстрантов.

1970. 24 апреля

В Горьком завершился длившийся около месяца судебный процесс над молодыми историками Михаилом Капрановым, Сергеем Пономаревым, Владимиром Жильцовым, Владимиром Павленковым. За написание и размножение Самиздата по обвинению в распространении «антисоветской» литературы, за попытки создания организации, выступления против нарушений законности и конституционных норм Павленков и Капранов были приговорены к 7 годам лагерей, Жильцов — к 4 годам, Пономарев — к 5 годам лагерей.

1975. 18 апреля

В Москве был арестован правозащитник Андрей Твердохлебов, один из основателей Комитета прав человека, секретарь советской секции «Международной Амнистии». Суд над Твердохлебовым состоялся 14–15 апреля 1976 г. Его обвинили по статье «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» за составление правозащитных документов, а также распространение работ А.И.Солженицына и А.Д.Сахарова. До 1978 г. Твердохлебов находился в ссылке в Якутии.

1980. 10, 29 апреля

В Москве были арестованы известные правозащитники: член Московской Хельсинкской группы и Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Леонард Терновский и редактор «Хроники текущих событий» Александр Лавут, один из наиболее активных защитников крымских татар. По статье «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» каждый из них был осужден на 3 года лагерей.

1985. 24 апреля

В пермском политическом лагере покончил с собой Князь (Ишхан) Мкртычевич Мкртчян — деятель армянского национально-освободительного движения, один из основателей Союза армянской молодежи, член Национальной объединенной партии Армении, автор и распространитель Самиздата.

Мкртчян был арестован в 1980 г. вместе с четырьмя другими лицами по обвинению в создании «Союза молодых армян». Он был приговорен к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки. Но после неудачного побега из пересыльной тюрьмы был приговорен дополнительно к 4 годам лагерей, его полный срок составил 11 лет лагерей и 5 лет ссылки. Смерть Мкртчяна произошла точно в 70-ю годовщину геноцида армян.

1990. апрель

Демократическое большинство депутатов городских советов в Москве и Ленинграде избрало председателями членов Межрегиональной депутатской группы Гавриила Попова и Анатолия Собчака. На состоявшихся в марте первых свободных выборах коммунисты потерпели поражение. Депутатская группа — демократическая фракция Съезда народных депутатов СССР, первая советская парламентская оппозиция. Она сформировалась на I Съезде народных депутатов вокруг демократических депутатов от Москвы: А.Д.Сахарова, Ю.Н.Афанасьева, Г.Х.Попова.

1995. 7–8 апреля

Во время проведения сводным отрядом военнослужащих Внутренних войск МВД РФ и сотрудников ОМОН и СОБР МВД РФ операции по занятию села Самашки произошли вооруженные столкновения. Сопротивление подразделениям МВД оказали небольшие группы бойцов отряда самообороны. Потери понесли обе стороны. Вооруженное сопротивление в Самашках, вопреки утверждению ряда военных источников, не носило организованного характера. Военнослужащие ВВ МВД и сотрудники милиции начали проводить операцию по «зачистке» села, то есть сплошную проверку улиц, дом за домом, с целью выявления и обезвреживания или задержания скрывающихся боевиков, а также изъятия спрятанного оружия. «Зачистка» Самашек сопровождалась убийствами мирного населения, издевательствами над задержанными и поджогами домов. Именно в ходе «зачистки» погибло больше всего людей (103 человека, по данным ПЦ «Мемориал») и было разрушено большинство домов. Эта операция и ее последствия имели широкий общественный резонанс как в России, так и за ее пределами.

1920. 18 мая

Каспийская флотилия Красной армии провела десантную операцию на территории Ирана — захват порта г. Энзели и находившихся там белогвардейских кораблей. Так начался «экспорт революции» в Иран. Вскоре на севере Ирана была провозглашена Иранская Советская республика. Она просуществовала около года: 8 сентября 1921 г. советские войска были выведены, и уже 2 ноября республика пала под ударами иранских правительственных войск.

1925. 7 мая

В Москве в здании ОГПУ покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна кабинета на пятом этаже) революционер, террорист Борис Викторович Савинков. В 1917–1924 гг. он был одним из руководителей антибольшевистского сопротивления, в августе 1924 г. в результате разработанной ОГПУ операции «Синдикат-2» был обманом заведен в СССР и арестован. В печати сообщение о гибели Савинкова появилось только через неделю. Место захоронения неизвестно.

1935. 31 мая

Принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В системе органов НКВД была создана служба по делам несовершеннолетних.

1940. 24 мая

В Ленинграде в семье военного журналиста родился Иосиф Александрович Бродский. Поэт, политический (1964–1965 гг.), лауреат Нобелевской премии по литературе (1987 г.). С 1972 г. жил в США, умер в Нью-Йорке в 1996 г., похоронен в Венеции.

1950. 5 мая

Газеты «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС о том, что Советский Союз полностью завершил репатриацию немецких военнопленных. Агентство ТАСС заявило, что всего с 1945 г. было репатрировано 1 939 063 немецких военнопленных. «В СССР осталось 13 532 осужденных немецких военнопленных; 14 человек временно задерживались из-за болезни». Еще несколько тысяч человек выехали из СССР в 1951–1953 гг. В 1955 г. в Москву прибыл с визитом канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. После подписания соглашения с ФРГ репатриировали еще около 10 тысяч немцев. Последняя партия бывших пленных была передана властям Германии 16 января 1956 г.

1955. 14 мая

В Варшаве был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — военный союз социалистических стран (Варшавский пакт). Договор закрепил размещение войск СССР на территории Венгрии, Польши и Чехословакии. В результате СССР получил юридическое основание для присутствия своих войск в Восточной Европе и упрочил свои геополитические позиции. Это послужило одним из оснований для интервенций в Венгрию (1956 г.)

и Чехословакию (1968 г.). Варшавский договор начал распадаться в 1989 г. в ходе «бархатных» революций и официально прекратил свое существование в 1990 г.

1960. 30 мая

В дачном поселке Переделкино под Москвой умер поэт Борис Леонидович Пастернак. В 1958 г. он был исключен из Союза писателей за публикацию за границей своего романа «Доктор Живаго». Роман «Доктор Живаго» в СССР считали «клеветническим» и порочащим достоинство Октябрьской революции. На автора обрушился шквал критики, усилившейся после присуждения ему Нобелевской премии по литературе. «Его похороны стали своеобразной молчаливой оппозиционной демонстрацией», в ней участвовали Андрей Синявский и

Юлий Даниэль. В 1966 г. их осудят за аналогичное «преступление».

1965. 13 мая

В здании МГУ на Ленинских горах состоялся первый в СССР вечер памяти погибшего в сталинских лагерях поэта Осипа Эмилевича Мандельштама. Никаких репрессий против организаторов и участников этого вечера не последовало — среди присутствовавших были партфункционеры. Председательствовал на вечере Илья Эренбург, среди выступивших был Варлам Шаламов, прочитавший свой рассказ «Шерри-Бренди» о трагической гибели поэта. В СССР этот рассказ стало возможным опубликовать только через 22 года — в 1987 г.

1970. 29 мая

Жорес Александрович Медведев, биолог, один из первых авторов Самиздата, был насильственно помещен в Калужскую психиатрическую больницу. Энергичная кампания протеста, в которой участвовали А.Д.Сахаров, А.И.Солженицын, П.Л.Капица, А.Т.Гвардовский, привела к его освобождению через 20 дней.

1980. 27 мая

В Москве была арестована по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде правозащитница Татьяна Осипова, в 1978–1980 гг. одна из ведущих членов Московской Хельсинкской группы, участвовала в издании «Хроники текущих событий», писала о репрессиях против диссидентов в самиздате, подписывала открытые письма в защиту инакомыслящих. До 1987 г. она находилась в заключении и ссылке.

1985. 14 мая

В Ленинграде, в Доме писателя, состоялся первый вечер лидеров неофициальной «второй» литературы города, — поэтов Виктора Кривулина и Елены Шварц.

2000. 28 мая

В Каунасе умер кардинал Литовской католической церкви Винцентас Сладквичюс, духовный лидер движения за права церкви и верующих в Литве. Более 20 лет (1959–1982 гг.) он находился фактически под домашним арестом в глухих районах Литвы. С 1964-го по 1982 год подпольно издавал и передавал на Запад «Хронику литовской католической церкви». Там же, в Радвилишкисе, он был рукоположен в епископы и избран главой Литовской епископской конференции. Похоронен в усыпальнице Каунасского кафедрального собора.

На снимках: Альберт Эйнштейн. Фото из открытого источника.

Подписание Варшавского договора, 1955 г. Фото АР

Учредитель:**Международная общественная организация****«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»***

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12**Тел. приемной:** (495)699-1180**Тел. редакции:** (495)699-6478**E-mail:** 30october@cknot.info**В подготовке номера участвовали**

Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов**Выпускающий редактор** Н.В.Савельичева**Литературный редактор** Ф.В.Шведовский**Корректор** Г.В.Заславская**Верстальщик** В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 155 от 25.05.2020 г. (апрель-май 2020). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно